

SM

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПОЛИНА ОРДО
ДОВЕРИЕ

Полина Ордо

SM: Доверие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67568493

SelfPub; 2022

Аннотация

За все в жизни нужно платить. У всего есть своя цена. Но я исключение. Прошлое сгорело в огне предательства, когда отец уплатил мной карточный долг. Я не принадлежу себе – попала в ад ещё при жизни. Выхода отсюда нет. Да и от меня мало что осталось... Можно ли выжить и остаться самой собой, когда в союзниках только боль и слезы?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	29
Глава третья	59
Глава четвертая	81
Глава пятая	105
Глава шестая	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Полина Ордо

SM: Доверие

Глава первая

ФЕВРАЛЬ 2019

Настойчивая трель дверного звонка врезалась в голову похлеще дрели. Недовольно поморщив нос, зарылась лицом в подушку.

Кто-то и не думал останавливаться.

Перевернулась набок и с удивлением увидела, что Серёги рядом нет. Примятая постель и лёгкий запах ментола.

Перед глазами всё шаталось и плясало. Чёрт, вчера мы хорошо... гульнули. Что хоть отмечали-то? Схватила за голову и безвольно легла на спину. Ночь вообще выпала из моей памяти. Тело говорило, что это было очень даже приятно.

Точно!

Юлька со Стасом заявили.

Звонки не прекращались.

Что за дьявол?

Оттянула пальцем уголок глаза, пытаюсь хоть что-то рассмотреть получше. Второй рукой шарила по постели и тумбочке. Где-то должны быть очки.

Ничего.

Ну и фиг с ним! Плюнув на всё, вскочила с кровати. Мерзкий хруст дал понять, что очки я всё же нашла.

– Твою мать!

Ковыляя и стряхивая осколки с ноги, еле добрела до входной двери. Было бы лучше, если это была моя квартира. У Серёги я ещё плохо ориентировалась.

– Чтоб у тебя руки отсохли... – бурчала, стараясь справиться с замком. Громкий щелчок, и внутрь ввалилась девушка. Она всё ещё пыталась барабанить по двери, но в итоге прилетело мне.

Отшатнувшись назад, упала навзничь, с громким треском приложившись головой об пол. Незнакомка рухнула на меня сверху.

Сдавленно выдохнув, только и смогла прохрипеть:

– Зашибись.

– Где он?

Девушка вскочила на ноги, при этом изрядно отдавив мои.

– Сергей? Ты здесь? Сергей!

Я разглядывала потолок, совершенно ничего не понимая. Что творится? Моргнув пару раз и ущипнув себя за ногу, убедилась, что это не сюр и не сон.

Девушка металась по квартире, уже перейдя на ультразвук. Я всё ещё лежала. Но нужно вставать. Дверь открыта нараспашку, а футболка, пусть и мужская, не сильно греет. На улице всё-таки не лето.

– Где он? – от истеричного вопля заложило уши.

Попыталась рассмотреть лицо этой нервной особы, но так ничего и не поняла. Вроде молоденькая, хорошенькая. Но с моим прекрасным зрением может оказаться, что всё совсем наоборот. Даже я себе с утра нравлюсь больше, когда очки лежат у кровати.

– Спасибо, я не ушиблась. Мне можно не помогать. Конечно, встану сама... – бубня себе под нос, краем глаза отметила, что источник неприятностей двинулся по странной, дёрганной траектории.

Кряхтя и подвывая, встала на колени. Держась за голову, с трудом поднялась на ноги. Закрыв дверь, пыталась найти взглядом девушку.

– Эй! Дамочка, это всё просто замечательно, но, может, хватит? Серёги нет, – я скрестила руки на груди и прислонилась спиной к входной двери.

– Где он?

Незванная гостья появилась передо мной из ниоткуда, изрядно напугав. И снова спасибо моему калечному зрению.

– Ушёл, я так подозреваю.

– Куда?

Очередной глупый вопрос вывел меня из себя. Вспылив, всплеснула руками и закатила глаза:

– Мне-то почём знать? Можно подумать, он отчитывается передо мной.

– Он давно ушёл?

– Девушка, я сейчас день недели и число не знаю, не то

что время. Спросите что-нибудь полегче.

Нащупав свою сумку в коридоре, полезла во внутренний кармашек за запасными очками. Надев их, выдохнула с облегчением. Мир приобрёл знакомые чёткие формы. Теперь я могла хорошо разглядеть незваную гостью.

Молодая, может, даже младше меня. Ростом чуть повыше меня. Немного раскосые каре-зелёные глаза смотрели на меня со страхом и любопытством. Весь её внешний вид: овал лица, цвет волос и кожи, выдавали в ней примесь восточной крови.

Интересное тату в виде геральдической лилии на тыльной стороне правой ладони заставило меня повнимательней рассмотреть девушку.

Стройная, но при этом достаточно крепкая фигура.

– Вы можете ему позвонить?

– Слушайте, я и так сглупила, что открыла вам дверь. Если хотите, то подождите его здесь.

Хотя он явно не будет этому рад.

Девушка нервно закусил губу и согласилась пройти со мной на кухню. В отличие от меня, у Серёги был какой-то извращённый вкус. Нет, это, в принципе не было для меня секретом, но я не думала, что это будет касаться кухни. Сначала, мне показалось, что я сошла с ума. Розовая кухня!

Я долго смеялась, пока Серёга оправдывался. Выяснилось, что всё очень просто. Он выбрал цвет, чем-то отдалённо напоминающий мокрый кирпич. А название-то какое!

Танго! Красота! Да не тут то было, оказалось, что фасады при искусственном освещении... становятся розовыми! Вот такой сюрприз.

Времени, я так понимаю, прошло много. Вот он и решил не мучиться. Оставил всё как есть. Привык.

А меня бывает периодически на «ха-ха» пробивает.

Розовая кухня у доминанта...

Я ещё долго фыркала, разливая кофе по чашкам. Извинившись, сходила и надела джинсы. Бродить совсем голой, даже перед девушкой, как-то не комильфо. А ей предложила раздеться и снять своё пальто.

Осторожно отпивая крепкий кофе, присела на барный стул. Холодные металлические боковины заставили поёжиться и ещё сильнее нахохлиться.

Взъерошив короткие волосы, посмотрела на часы, висящие прямо над кухонным столом. Восемь утра. Срамота! Ещё бы спать и спать. Куда это, интересно мне знать, свалил мой ненаглядный?

– Так, значит, вы девушка Сергея?

Незнакомка аккуратно сделала пару глотков и отставила чашку в сторону. Сдержанно выдохнув, она мельком посмотрела на меня и с силой вцепилась в собственные колени.

– Да нет... – я пожала плечами и, сделав неосторожный вдох, закашлялась. – Я бы так не сказала.

– А кто же вы?

Я задумалась.

Кто же я?

Подруга?

Нет.

Знакомая?

Тоже нет.

Ну уж точно не девушка и не жена.

Любовница?

Ну... это ближе к истине.

– Мы бывает встречаемся. Когда есть настроение, – я улыбнулась и откинулась на спинку стула. – Меня зовут Марианна. Можно Маря.

– А я Лилия, – девушка задумчиво посмотрела на меня, пряча свою татуировку.

– Так зачем вам Серёга?

– Он... он обещал мне помочь, но так и не сдержал своё слово. И я хочу знать, почему. Он избегает меня. Вы могли бы позвонить ему и попросить, чтобы он поскорее вернулся.

– Гм. Ну я-то тут причём? Простите, но я вас не знаю. Серёге звонить не буду. Как-то это неправильно. Подождите, я думаю, он скоро вернётся.

Лиля так напряглась, что мне показалось, что ещё секунда, и она просто вырвет свои колени с мясом. Воспользовавшись ситуацией, поправила пальцем очки и внимательнее рассмотрела татуировку.

Точно. Геральдическая лилия. Почти по размеру тыльной стороны ладони. Странный выбор. Да и в таком месте. Да-

же самые отпетые сохраняют банковскую зону чистой. И со смыслом, конечно... Первое, что приходит в голову это Миледи. Предрассудки чистой воды, но. Мысли-то есть.

Пауза затягивалась, и я не нашла ничего лучше, чем спросить о татуировке:

– Занятно. Это вы сами выбрали? Из-за имени?

Девушка дёрнулась и привстала.

– Знаете, я не буду ждать. Просто передайте ему, что заходила Лиля Кутина. Хорошо? Передадите?

– Без проблем.

Девушка аккуратно провела пальцем по чашке, смазывая след губной помады, и, развернувшись, вышла в коридор. Я даже не успела ничего сказать, как услышала громкий хлопок двери. Сходила и проверила замки.

Странно это всё.

Допила кофе и нехотя полезла за телефоном. Ожидаемо. Серёга не отвечал. Бросив ему короткое сообщение, протяжно зевнула и направилась в спальню.

Хочу спать.

Плюхнулась носом в постель. Прямо так, в одежде. Джинсы не стала снимать.

Кофе не помогло. Отрубилась я моментально.

Горячее и уверенное поглаживание по моей спине резко разбудило меня. Испуганно вздрогнув, нащупала очки и натянула их, перевернувшись на спину.

Серёга.

Холодный и мокрый. И очень довольный. Только пришёл. Ещё даже снежинки на волосах блестят. От него пахло улицей и бензином. При всей прохладности, идущей от него, руки у него были как кипяток.

– Явился, не запыхался. Пропавшая душа.

Серёга осторожно поправил мои волосы, с силой проведя пальцем по моей щеке, плавно спустившись на шею и дальше вниз.

Зараза! Ненавижу, когда он так делает.

Шлёпнула его по руке и сердито насупила брови.

– Ты где был? Записки не пробовал оставлять? Свалил куда-то, а мне сиди тут.

– Ничего. Посидишь. И вообще, чего это ты с утра в джинсах на кровати лежишь? Непорядок.

Пара секунд и с меня наглым образом начали стаскивать лишнюю одежду. Я схватилась за пояс, не давая этого сделать.

– Так. Давай-ка не пори горячку. И с чувством, с толком, с расстановкой начинай говорить.

Серёга удивлённо посмотрел на меня. Но скоро привычное ехидство вернулось, обдав меня ядовитой ухмылкой. Быстрый рывок и меня буквально вдавило в кровать.

Жалкая и вялая борьба с моей стороны не оправдывала моего внутреннего протеста. Похмелье и жуткий недосып делают своё дело.

Я шипела как рассерженная кошка, а Серёге, как всегда, было всё равно. И даже его грубый напор, ласки и поцелуи не могли меня смягчить.

Как могла, изо всех сил держалась за джинсы. Словно это был последний оплот моей добродетели. Ха-ха три раза.

– Серёга, прекрати!

– Это ты прекрати. Хватит меня злить. Я и так не в духах.

О! Вот она возможность прекратить всё это. Внутренний монстр требовал окончательно испортить настроение Серёге. Даже если при этом пострадаю я сама.

– Тут гостья пожаловала. Не могу же я ходить перед ней голой.

– Почему нет? – он не ослабил напора, отвлѣкшись всего на секунду. Честно, он мог одолеть меня сразу, но ему нравилась эта борьба. Вот и продолжал играть со мной, как кошка с мышкой. Бесит!

– Потому что я её не знаю.

Серёга резко отпустил меня.

– Вот как? И кто это был?

Я удовлетворѣнно хмыкнула и отпустила джинсы. Теперь можно не бояться. Иногда Серёга страдал от малозадачности. Переключи его внимание на другой объект и готово.

– Ну, девушка. Явно не женщина. Может, моя ровесница. Отчаянно желала тебя видеть.

Серёга отошёл от кровати. Провёл рукой по мокрым волосам и рывками начал снимать рубашку. Он всегда так де-

лал, когда нервничал. Его движения становились какими-то механическими, неживыми.

– А зачем не сказала?

– Нет. Только имя назвала.

– Ну хоть что-то, – Серёга бросил рубашку на пол и вцепился в ремень. Я немного подвисла от этого и вспомнила о своих джинсах. Ходить в них дома – не лучшая идея. – Зовут-то как?

– Лиля Кутина. У неё ещё такая татуировка на руке интересная...

– Что?! – грозный рывк напугал меня чуть ли не до икоты. – Твою ж мать!

Серёга психанул не хило. Схватил телефон и бросился на кухню. Я слышала только обрывки разговора. Чаще всего это были такие трёхэтажные маты, что даже у меня уши в трубочку свернулись. А я много чего повидала и слыхала.

Вернулся он нескоро, весь на взводе, сжимая в дрожащей руке телефон. Швырнул его на кровать и продолжил допрос. Глаза у него стали просто безумные. Холодные, светлые. Мне даже показалось, что они начали гореть изнутри.

– Когда она здесь была?

– Не знаю... Сколько сейчас? Она ушла в районе восьми утра.

– Что она тебе сказала?

– Да ничего. Толком и не поговорили.

– Что она тебе сказала? – яростный рывк и кулак Серёги

с хрустом впечатался в стену.

В ужасе вытаращив глаза, я поняла, что теперь вот я попала. И боюсь я просто до... Мне дико страшно!

– Ерунду какую-то. Про помощь. Чепуху несла. Что ты должен был ей помочь и не сделал этого. А теперь избегаешь её. И она не знает почему.

– Сука! – Серёга в гневе снёс всё с комода. Чашки, часы, фоторамка, всё разлетелось вдребезги, с силой ударившись об стену.

– Просила, чтобы ты ей позвонила.

– Маня, ты просто не представляешь... просто не представляешь! – Серёга грозил мне пальцем, едва дыша от гнева. – Во что могла вляпаться. Она звонила отсюда?

– Нет.

– Ты точно в этом уверена?

– Да точно. Может, ты скажешь, что произошло? В чём дело?

– Сука... – Серёга схватил рубашку с пола и вынесся в коридор.

Я так и осталась сидеть на кровати, ничего не понимая. Мне было жутко и дико страшно. Я никогда не видела Серёгу... таким. Он мог быть несдержанным, но чтобы так.

Прощальным рефреном из коридора прозвучало:

– Убью тварь!

Серёга с такой силой захлопнул входную дверь, что мне показалось, что на меня сейчас рухнет люстра вместе с по-

ТОЛКОМ.

Вот и позлила. Япона мать. Хорошее начало дня.

Зато спать теперь не хочется. Взбучка от Серёги бодрит лучше любого кофе.

МАРТ 2019

Лениво помешивая ложкой остывший кофе, рассеяно смотрела в окно. Снег, холод, сильный ветер. Всё как всегда. Сделала глоток и поморщилась от горечи. Добавила ещё ложку сахара. Лучше не стало. Психанув, встала, взъерошила волосы и вылила кофе в раковину.

Придурок!

Пока вода шумела, а я старательно намывала чашку, надоедливые мысли прямо-таки вгрызались в голову, заставляя думать.

Кто же эта девушка?

Серёга тогда вернулся достаточно быстро. Внёсся вихрем и начал собирать мои вещи. Просто пихал их в какую-то свою сумку, совершенно не обращая на меня внимания.

– Собирайся!

Спорить с ним у меня не было желания. Таким взбешённым я его никогда не видела. Он едва огонь не изрыгал. А красноречивый взгляд только придавал мне ускорения.

Вот тогда и поняла, что Серёгу-то я и не знаю. Либо со мной он совершенно не такой. Может, я действительно как-то по-особенному влияю на людей.

Неужели мой милый, весёлый, пусть и немного деспотичный хам может быть таким?

И почему просто не рассказать мне, что происходит?

Когда мои скромные пожитки были собраны, Серёга вызвал такси. Стоя на улице, я выслушивала строгий наказ. От каждого последующего слова мне хотелось выть, кричать и нецензурно выражаться.

– Так. Сюда ты больше ни ногой. Не звони мне, поняла? Вообще про меня забудь. И съезжай со своей квартиры.

– Но...

– Снимешь что-нибудь в другом районе. В клубе пока не появляйся.

– Серёга, твою налево, ты можешь мне русским языком объяснить, что происходит? – в сердцах швырнула сумку на землю. – Или даю слово, не сойду отсюда! Ни шагу не сделаю! Пока ты мне внятно не объяснишь, что происходит.

Я взбешенно смотрела на него, на то, как он нервно грызёт незажжённую сигарету. И ничегошеньки не понимала.

– Тебя и спрашивать никто не будет, – многозначительный взгляд. Сейчас он напугал меня до седых волос, но я продолжала хорохориться.

– Ага. Не обольщайся!

Иногда я бываю слишком упрямой. И могу потягаться в этом даже с Серёгой. Он, наконец, закурил и немного успокоился. Перестал так тяжело дышать и мочалить ни в чём неповинную сигарету.

Когда подъехала машина, Серёга открыл дверь и закинул мою сумку. Приглашающий жест я проигнорировала.

– Ты дурак, да? Так ничего и не понял? Всё было зря?

Серёга пустил дым носом и выбросил окурок в сугроб.

– Нет. Не зря. Поэтому ты сейчас сядешь в машину и уедешь. Всё, меня больше нет. Понятно?

– Чего уж тут непонятного... – сжав кулаки, рассерженно шипела. – Привыкать что ли?

Я села в машину и хлопнула дверью. Меня колотило от гнева, страха и обиды. Где-то внутри, прекрасно понимала, что есть какое-то логичное и понятное объяснение всему произошедшему. Что даже не во мне дело.

Или во мне?

И я послушно уехала, оставив Серёгу одного. Как он и просил.

Чёрт!

Чашка уже начала опасно скрипеть. Я её сейчас в пыль сотру. Закрыла кран и стряхнула с рук капли воды.

Серёге позвонила лишь раз, чтобы услышать радостную новость: номер больше не обслуживается. Значит, действительно что-то произошло.

Интересно, месяц домашнего режима можно прерывать? Мне пришлось даже брать минимум заказов и пересесть на обработку и всякую лабудень. Благо Ирка периодически подбрасывала заказы.

Вытерла чашку полотенцем и спрятала её в шкаф, негром-

ко хлопнув дверцей.

Раз уж меня так стремительно выпнули, по-другому и не скажешь, не пора ли возвращаться к обычной жизни. Ладно, про Серёгу я забыла, на какое-то время. Надежда, что он вернётся и всё объяснит была необъяснимо крепка. Не может же он быть такой сволочью? Или может?

Завибрировал телефон, и я невольно отвлеклась от противных мне мыслей. На экране маячило Иркино лицо с высунутым языком. Легка на помине.

– Да.

– Привет, Манюнь. Чего делаешь?

– Страдаю.

– Ерундой?

– Нет, просто страдаю, – я нервно улыбнулась и снова села за стол.

– Ты куда пропала? На звонки не отвечаешь.

– Я? Да никуда, отдыхала, – царапала ногтём столешницу, снова думая о Серёге.

Неужели этот засранец так и не научился мне доверять? Или это как посвящение в каком-то братстве. Нюхать порох, грызть землю, кровь лизать? Ах, да, забыла. На ладони друг другу плюнуть.

Идиотски заржав, это, видимо, уже нервное, изрядно напугала Ирку.

– Манюнь, ты чего? Разве это весело?

– Что весело? – сняла очки и устало потёрла переносицу.

Я отвлеклась и совсем не слушала рассказы Ирки. – Прости, всё мимо ушей пролетело. Повтори, пожалуйста.

– Вот так ты меня слушаешь, да? – возмущённый голос подруги почти заставил почувствовать себя виноватой.

– Ир, ну не будь букой.

– Я спрашиваю, что у вас там опять с Серёгой?

– С чего ты взяла, что у нас что-то не так?

Несмотря на всё своё занудство, я никому ничего не сказала.

– А ты не знаешь? Он уже в клубе месяц не появлялся.

– Да? Что, даже никому ничего не сказал?

– Не знаю. Но, судя по тому, то его никто не ищет, это нормально.

– С чего ты тогда решила, что у нас что-то не так?

– Ну так и ты в клуб носа не показываешь.

– Так потому что я хожу туда только с Серёгой...

– Вот поэтому я и спрашиваю.

Чёрт! Умеет же Ирка развести. Надо было вовремя язык прикусить, а теперь вот как хочешь, так и выкручивайся. Иногда я ненавижу саму себя за такую болтливость.

– У меня вынужденный отпуск.

– Так значит тебя и сегодня не ждать?

Вот же змея-искусительница. Сама про меня забыла, не звонила, и тут на тебе! Как же, это я трубку не беру.

– А что будет сегодня?

– Таня вернулась.

Я многозначительно хмыкнула. Таня. Значит, сегодня будет особенно «весело». До сих пор не могу забыть тот самый, первый вечер. И никогда не смогу этого сделать. Слишком много воспоминаний связано со всем этим.

Но меня заинтересовало другое. Ирка постепенно отстранилась от этих заказов, а мне даже не позвонили.

Странно.

Или мне Серёге нужно сказать за это спасибо? Он решил всё вытравить из моей жизни. При этом меня никто не спрашивал.

Печально. Значит, не доверяет мне, раз решил всё повернуть за спиной. А я как настоящий пионер держала слово. Раз так нужно было.

– Расскажешь потом, что было.

– То есть ты не пойдёшь?

– Я же сказала, что в клуб теперь хожу только с Серёгой.

Ладно, Ир, мне пора. Я перезвоню.

Фуф. Еле отбрехала.

Положила на стол телефон и в задумчивости крутанула его пальцем. Что-то это всё дурно пахнёт. Такое ощущение, что я всё-таки вляпалась, хотя, Серёга вроде бы так и не считает. После истории с Машей я поняла одно: всё возможно в этой жизни. И никто не застрахован ни от чего. А Серёга молодец, талантливо слил всё в трубу. Даже меня.

Маленький телефон волчком вертелся на гладкой поверхности стола. Уже палец начал болеть, а в голове всё роились

мысли, от которых становилось то радостно, то тошно.

Почему он мне ничего не сказал? Я что, такая дура? Могу проболтаться?

Или это такой страшный и мерзкий скелет из шкафа, что я моментально сбегу от него, роняя тапки?

Или...

Хочет, чтобы я была как можно дальше от какого-то гипотетического дерьма?

За этот месяц ничего не произошло.

Может, зря волнуется? Кому я нужна? Да и кто обо мне знает? Даже в клубе Серёга держался отстранённо. Только когда мы оставались вдвоём, он невообразимым образом менялся. Мне казалось, что именно со мной он настоящий. Такой, как есть. Хотя я периодически всё же выводила его из себя.

Мы пришли к негласному правилу: вместе, пока не появится желание убить друг друга. Как только злость сносила голову, мы разбегались на некоторое время, отдыхали, чтобы потом вместе нырнуть в знакомый омут. Слишком уж мы разные. Пока нас это устраивало. Что будет дальше, посмотрим.

Сейчас... Что смотреть? Это я надеюсь, что всё вскоре благополучно разрешится и Серёга решит свои неотложные и опасные дела. А если нет?

Жаль нельзя уподобиться жене декабриста и добровольно последовать в ссылку.

Телефон съехал на край и в одно мгновение полетел вниз. Дёрнувшись, еле успела его поймать.

Хм.

Может, принять приглашение Ирки? Тем более, Серёга и не узнаёт. Всё-таки месяц прошёл.

Что будет плохого, если я приду всего на часик?

Впервые в клуб я добиралась своим ходом. К хорошему быстро привыкаешь. Оказалось, что добраться до него на своих двоих очень проблематично. Точнее, долго. А так как я ещё та дурында, и оделась слишком легко, то не могло быть и речи, чтобы идти пешком.

Вышла на ближайшей к клубу станции метро и вызвала такси. С перепугу назвала не тот адрес и в итоге меня высадили у многоэтажки как раз напротив клуба.

Ну хоть что-то.

Сегодня я какая-то рассеянная и глупая. Сама на себя непохожа.

Накинула капюшон и короткими перебежками двинулась к клубу. Ночью ударил мороз и вся слякоть, лужи и подтаявший снег взялись твёрдой ледяной коркой, превратив тротуары в настоящий каток. Ругаясь и с трудом сохраняя равновесие, я осторожно и крайне аккуратно приближалась к пешеходному переходу.

Как быстро я превратилась в неженку. Комфорт развратил меня до безобразия.

От горячего дыхания и мерзкой погоды, очки стали мутными. Теперь я буквально шла на ощупь.

Сколько раз говорила себе, что куплю линзы, но нет. Приросла к очкам и всё тут. Отчего-то мне с ними удобнее.

И Серёге они нравятся.

Вот же ж! Опять о нем думаю. Я просто неисправима.

У клуба было почищено, теперь можно хотя бы уверенно идти и не бояться упасть на пятую точку. С этой стороны было видно парковку: яблоку негде упасть. Таня всегда фу-рор производит.

Серёга сильно постарался. Даже издалека видно камеры. Он не только позаботился о видеонаблюдении, но ещё и подъезды обезопасил. Освещения добавили. И вывеску поменяли. Она теперь больше не горит неоном. Простая подсветка зеленоватого цвета. Весной и летом смотрится красиво.

Уже подходя к живой изгороди, с удивлением отметила, что чуть подалее стоит автомобиль. Обычно здесь редко паркуются.

Что же такого привезла Таня, что даже парковки не хватило?

Я пожала плечами сама себе и, обогнув аккуратно подстриженные кусты, вышла на дорожку. Фонари горели всюю. Остановилась и протёрла очки. Шмыгнула замёрзшим носом и... услышала чьё-то дыхание рядом с собой.

Резко обернувшись, увидела фигуру в чёрном. Что-то

твёрдое упёрлось мне в живот. Опустив взгляд, сглотнула ком: пистолет.

Даже со своим жутким зрением я могла разобрать, что это оружие. И выглядело оно настоящим.

– Ни звука, – женский голос смутил меня ещё сильнее. – Вперёд. К машине. И без глупостей.

Развернувшись, на ватных ногах я поковыляла к чёрному форду. Сжимая руки и нервно заламывая пальцы, я едва дышала. Бросая украдкой косые взгляды, поняла, что всё напрасно. Никого.

Один шанс на камеры.

А толку-то?

– Открывай! – очередной тычок в спину. И ноги сами собой подкосились. Дрожащей рукой вцепилась в ручку и с силой потянула её на себя.

От страха голове была сплошная пустота. Нужно что-то придумать. Нет, это всего лишь паника. Внутренняя «я» говорила, что лучше не рыпаться и выждать.

Хотели бы убить, сразу бы пристрелила. Нет. Я ей нужна живой.

Пистолет всё ещё упирался мне в спину, когда похитительница схватилась за мою правую руку и защёлкнула на ней браслет наручника. Вторую часть она прикрепила изнутри к ручке над дверью.

– Садись.

Я послушно выполнила приказ, положив сумку к себе на

колени. Заметив это, женщина выкинула её в кусты и захлопнула дверь. Когда она проходила перед капотом, я попыталась хоть что-то разглядеть в свете фар. Бесплезно. Из-за контраста температур очки сразу же запотели. Я видела лишь нечёткую фигуру.

Я была уверена только в одном. Это женщина.

Вновь пахнуло морозным воздухом, и за руль села похитительница. Она завела автомобиль, и мы плавно тронулись, уезжая прочь от клуба.

Моя правая рука бессмысленно телепалась, напоминая мне, что это всё не сон, что мне не чудится. Боясь, что рука начнёт затекать, я схватилась за ручку, периодически шевеля пальцами. Конечно, надолго меня не хватит.

Мы стремительно неслись в сторону шоссе.

Везёт за город?

Я сняла очки левой рукой, протёрла их о джинсы и надела вновь.

Теперь я могла более детально рассмотреть женщину.

Чёрная толстовка, накинутый на голову капюшон и серый платок, скрывающий нижнюю часть лица. На руках перчатки. Пистолет она положила к себе в ноги. Видимо, боялась, что я захочу за него побороться.

Даже и не думала.

Я не самоубийца.

Мы достаточно долго ехали в молчании. Огни города редели, и за окном появлялось всё больше лысых деревьев.

– Меня будут искать, – я начала разговор, надеясь непонятно на что.

– Отлично. Это мне и нужно.

От этой фразы я впала в ступор. Обычно похищают и убегают, чтобы не нашли. А тут наоборот? Похитили, чтобы нашли?

Когда мы проехали каменную стеллу с названием города и оказались в области, женщина выдохнула с облегчением и сняла капюшон. Одним движением стянула платок, и я застыла от ужаса.

Лиля.

Похоже, Серёга не зря беспокоился, и я напрасно нарушила его запрет.

Лихорадочно соображая, что делать и говорить, я грызла губу и смотрела на собственные ноги.

– Успокойся. Я совсем не хочу тебе навредить. Наручники для твоей же безопасности, чтобы ты глупость не сделала. А пистолет газовый. Расслабься.

– Расслабиться? – хрипло переспросила, с ужасом смотря на девушку. – Успокоиться?

– Да. Всё будет в порядке.

– В каком порядке? Ты меня похитила и везёшь незнамо куда! – в ярости я пнула коленом бардачок. – Зачем ты это сделала?

– Чтобы Сергей перестал бегать от меня.

Липкий пот скатывался градом по моей спине. И совсем

не оттого, что мне было жарко. Серёга же спрашивал, о чём мы говорили. А у меня из головы эта фраза совсем вылетела. Я просто не придавала ей значения.

Любовница.

Я дала ей в руки инструмент для манипулирования.

Вот почему Серёга так себя вёл.

Вот же я дура...

В бессильной злобе откинулась головой на подголовник и стиснула зубы.

– Не переживай, он скоро тебя хватится. И сумку заметят. Я даже машину припарковала прямо под камерами, чтобы номер разглядели.

– Зачем?

– Чтобы быстрее нашли. Говорю же.

– Да не будет меня никто искать. В сумке даже документов нет. Серёга уехал месяц назад.

– Э, нет. Он в городе. Это я точно знаю, – Лиля улыбнулась и сняла с правой руки перчатку. Затем с левой, с наслаждением пройдясь голыми пальцами по рулю.

Похоже, спорить с этой сумасшедшей бесполезно.

– У меня рука начала затекать.

– Потерпишь. Я и не такое терпела, – девушка со скрипом сжала руль и бросила взгляд на свою татуировку.

– Зачем тебе Серёга?

– Он должен кое-что сделать для меня. То, что обещал, но так и не решился.

– Что же это?

Лиля повернулась ко мне и обворожительно улыбнулась:

– Вытащить моего любимого из тюрьмы.

Глава вторая

МАРТ 2019

От всего услышанного у меня конкретно отвисла челюсть.

Чувствую себя полной идиоткой.

Какая тюрьма? Какой любимый?

Причём тут Серёга?

Нет, я знаю, что он когда-то давно работал в полиции. Настолько давно, что это уже выглядит неправдой. Сколько лет прошло? Шесть? Семь? Господи...

Значит, Лиля лишь молодо выглядит. Не такая уж она маленькая.

– Как Серёга может помочь, если он уже давно уволился из органов? Как?

– Не будь такой наивной, – сдержанная ухмылка разозлила меня ещё больше. Да кого из себя мнит эта дамочка? Крёстного отца?

– Я всё равно не понимаю.

– И не надо. Просто сиди спокойно. Всё. Больше ничего от тебя не требуется.

Сдерживая рвущиеся наружу маты, недовольно заёрзала на месте. Рука уже начинала затекать, хоть я и разминала её, как только вспоминала об этом.

– Может, отцепишь?

– Потерпи. Отъедем подальше и сниму их.

– Это чтобы я не выпрыгнула?

Лиля лишь улыбнулась и расслабленно выдохнула. Она сейчас не выглядела такой напряжённой. Наоборот. Очень довольной и спокойной. Будто каждые выходные только и делает, что крадёт людей. Так, ради забавы.

– Кого должен вытащить Серёга?

– Тебе не всё ли равно? – Лиля бросила на меня настороженный взгляд.

Я сделала пару глубоких вдохов, успокаивая саму себя. Сердце колотилось как бешеное, а в голове полная каша. Что там Серёга про меня говорил? Сыворотка правды?

– По-моему, это справедливо знать, ради чего будет рисковать мой любимый, – последнее слово я специально выделила, придав ему особое значение.

Мы с Лилей посмотрели друг на друга и каждая осталась при своём.

– Значит, я не ошиблась.

– В чём?

– Никакая ты не любовница.

– Но и не жена.

– Иногда мне кажется, что в нашем языке не хватает какого-то очень важного и ёмкого слова, которым можно было бы описать подобных нам. Я вот тоже не знаю, кем являюсь ему.

– Кому? – я повторила свой вопрос, в надежде, что смогу разговорить Лилю и вдруг это поможет мне.

– Ивину Александру Александровичу.

Признаюсь честно, это имя мне ни о чём не сказало. Хотя по всему внешнему виду Лили должно было.

– Кто это?

– Ну да... Откуда тебе знать, – в голосе девушки появилась странная злость. Не яростная и дерзкая, а какая-то придушенная, отдающая горечью. – Просто хороший человек.

– И за что же сидит этот хороший человек?

– За убийство.

В горле у меня похолодело, внутри всё стянуло тугим узлом. Выдохнув через нос, сняла очки и закрыла глаза.

Убийство.

Теперь понятно всю ярость Серёги. Это он ещё особо не разошёлся.

Серёга...

Протяжно вздохнула и решила продолжить беседу.

– Убийцы все такие хорошие, или это только он такой замечательный?

Лилия взбешенно дёрнулась и крутанула руль влево, автомобиль зашуршал шинами, нас легонько тряхануло. Секунда, и мы вылетели бы в кювет. Но девушка справилась с управлением. Тяжело дыша, она сжимала руль, гневно сверкая глазами.

– Он никого не убивал. Это я убила. А посадили его.

Вот тут у меня все внутренности заledenели, даже ноги перестала чувствовать. Не знаю, что ощущают другие люди

рядом с убийцами, но у меня уже поджилки тряслись. Если человек убил, он уже перешёл грань. Перешёл раз, перейдёт и во второй. Это только в фильмах герои бахвалятся, скалясь в лицо смерти. А я вот сейчас очень жалела, что у меня нет подгузника. Меня прямо-таки охватило непреодолимое желание сходить в туалет. И не раз.

– Романтично... – мой нечаянный сарказм пришёлся не к месту.

– Ты действительно дура или только прикидываешься?

– Нет. Мне страшно. Настолько, что я сейчас описаюсь от страха.

Лиля разочарованно посмотрела на меня и тяжело выдохнула. Она не стала тормозить, чтобы выпустить меня в ближайšie кустики.

– Это просто реакция организма. Расслабься. На самом деле не описаешься. Это только так кажется.

– Тебе легко говорить.

– Я просидела на цепи семь лет. Поверь, я знаю, о чём говорю, – голос Лили задрожал, и я невольно замолкла.

– На цепи?

– Это не метафора. Хотя сколько именно я сидела на цепи не помню, а вот в рабстве провела действительно семь лет.

Не знаю почему, но сейчас я ей поверила. Страх, злость нашёптывали совершенно другое, но сердце твердило об обратном. Именно это чувство позволяло видеть мне мир по-иному. Я верила Маше, верила Юле. Верила Серёге. Теперь

вот и Лиле верю.

– Это... ужасно, – я с трудом подобрала слова, чтобы выразить всё, что чувствую.

– А Сергей мне не поверил. Думал, что я таким образом выражаю своего благодетеля. Хочу отмазать его от тюрьмы.

Серёга. Он тот ещё упёртый баран. Что в голову втемяшится и долотом достанешь.

– Но ты не пыталась? – с лёгкостью перешла на «ты», чувствуя, что снова буду погружаться в чей-то мир воспоминаний. И в этот раз розовых пони и единорогов там не будет.

– Нет. Поэтому пытаюсь сейчас исправить всю эту несправедливость.

– Татуировка... – меня осенило. Что ж, хитро.

– Да. Это просто совпадение, что я попала в дом Лилий.

– В дом Лилий?

– У нас управляющий был француз.

Я окончательно запуталась. Какой дом Лилий? Какой управляющий? Какой француз?

– Можно поподробнее и не так быстро. Я не успеваю за ходом твоей мысли.

– Хорошо. Как раз потренируюсь.

– С чем?

– Как давать показания, – Лилия горько усмехнулась и с жалостью посмотрела на меня.

Я судорожно сглотнула, вцепившись свободной рукой в

своё колено. Надеюсь, это будут свидетельские показания не по причине моей смерти.

– Это была весна две тысячи второго года. Я училась в шестом классе, когда... – Лиля на секунду прервалась, собираясь с духом.

Значит, она моя ровесница. Поразительно. Я ещё та сопля, неприспособленная к жизни, а эта девушка уже прошла все круги ада. Почему-то сейчас я почувствовала себя очень виноватой, сидя рядом с ней.

–... когда случился весь тот кошмар с моей семьёй.

От этой фразы всё вокруг поплыло. В глазах задвоилось, и выступили слёзы.

Господи, что же с ней произошло?

МАРТ 2002

– Какая роль досталась тебе? М? – Катя весело шлёпала резиновыми сапогами по лужам, то и дело поправляя лямки тяжёлого рюкзака.

– Элли, – я пинала пакет со сменкой и радостной улыбалась, демонстрируя дырку от недавно выпавшего зуба.

Катя остановилась. Я выдохнула, представляя, как она сейчас будет кричать и топтать ногами.

– А мне Стелла.

– Ого! Значит, ты будешь играть волшебницу. Круто!

– Но у тебя главная роль.

– Кать, но я же не виновата, что Елена Ивановна меня ре-

шила выбрать.

Подружка замолчала, всю оставшуюся дорогу до дома мы шли молча. Мне было даже капельку стыдно, что всё так получилось. Просто перед самым отбором, Елена Ивановна услышала, как я пою.

Пока всё волновались и повторяли слова, я села на подоконник и, радостно болтая ногами, затянула знакомую песню. Моя младшая сестрёнка обожала этот мультик, понятно почему я его знаю наизусть.

*Мы в город Изумрудный
Идём дорогой трудной,
Идём дорогой трудной,
Дорогой не прямой.
Заветных три желания
Исполнит мудрый Гудвин.
И Элли возвратится
С Тотошкою домой.*

– Хорошо поёшь, – Елена Ивановна остановилась возле меня. Вкусный запах роз тут же окружил меня невидимым облачком.

– Спасибо.

– А почему на репетициях молчишь?

Я покраснела и опустила взгляд. Именно поэтому мама и отдала меня в театральную студию. Чтобы я поборолa свою скованность и стеснительность. Перед родными, знакомыми и друзьями я могла хоть стойку на ушах делать, но как только

мне нужно было сказать что-то перед незнакомыми людьми, я начинала заикаться.

– Боюсь.

– Чего?

– Что плохо спою, – я с интересом разглядывала старые кожаные туфли своей учительницы. Они только на первый взгляд казались такими страшненькими. На самом деле Елена Ивановна ходила в них только на репетициях. А как она танцевала! Все эти пируэты, прыжки, повороты. И пела она восхитительно. По сравнению с ней я просто жалко фальшивлю.

– У тебя замечательный голос.

– Правда? – неожиданная похвала, и я резко подняла голову, радостно улыбнувшись. На меня смотрела настоящая волшебница. Косые солнечные лучи сделали волнистые волосы Елены Ивановны совсем золотистыми, а красивые голубые глаза были полны какими-то совершенно невероятными искорками задора и радости.

– Правда. И если ты сможешь также выйти и спеть на сцене, то роль Элли будет твоей.

Я спрыгнула с подоконника, не веря своему счастью. Ради этого я спою всё, что угодно! И где угодно! Я буду сильно стараться!

– Сможешь?

Мой робкий кивок послужил ответом.

– Вот и молодец.

Как мне объяснить Кате, что я просто... лучше её? Она же такая ревнивица. Всегда считала, что лучше неё никто не может играть. Да ещё её мама покупала и заказывала для неё самые лучшие костюмы. Поэтому искренне радуюсь, что Стеллу будет играть именно Катя. У нас будет самая настоящая волшебница! Не то что я. Мама бы скорее нарезала старый тюль и достала своей платье.

А на роль Элли много не требуется. Сарафан и футболка. Такого добра у нас полно.

– Знаешь, Лиля. Это очень хорошо, что Элли будешь играть ты, – мы стояли у моего подъезда, когда Катя подала голос. – Пусть это и главная роль, но в сказках всегда самыми главными являются волшебники. Они самые сильные и могущественные.

Я с серьёзным видом кивнула, сдерживая улыбку. Даже сейчас Катя пытается показать, что она самая важная, самая главная фигура в нашем спектакле. Ну и пусть.

– Спасибо, Кать. Из тебя выйдет здоровская волшебница.

Катя изобразила, странный жест рукой, будто накладывала на меня какое-то заклинание. Я же в ответ стукнула пятками три раза и, резко развернувшись, побежала домой.

– До завтра!

– До завтра, Кать!

Перепрыгивая через ступеньки, радостная взбегала наверх. Нужно рассказать всем, что я буду играть Элли! Никто не поверит!

Интересно, что скажет Амина? Она вечно изображает из себя взрослую. Небось погрозит пальчиком и строго нахмурит брови.

Мама говорит, что в четыре года это позволительно. Ей лучше знать.

– Лиль, стой! – знакомый голос заставил меня обернуться.

По ступенькам, устало вздыхая и волоча за собой портфель, шёл Тимур. Шапку он снял, и мокрые чёрные волосы взъерошено торчали. Мы с ним очень похожи на маму. Почти одно лицо. Даже сейчас мне казалось, что я смотрю на себя. Тот же угольный цвет, немного раскосые каре-зелёные глаза, прямой нос и, как говорил папа, «слишком аккуратные губы». Что это значит, я не понимала. Наверное, всё дело в том, что контур у них слишком чёткий, будто карандашом нарисовали. Амина же вся в отца. Сероглазая, белокурая.

– Ты чего так поздно?

– В футбол гонял.

Я опустила взгляд и посмотрела на заляпанные грязью брюки. Туфли уже были похожи чёрт знает на что. Разочарованно выдохнув, поджала губы.

– Мама тебя прибудёт. И мне влетит тоже. Ты хотя бы кроссовки надел!

– Да не было у нас сегодня физры! – Тимур с кряхтением поднял портфель и закинул себе его на спину так, будто это мешок с камнями.

Брат прошёл мимо меня, устало поднимаясь по ступень-

кам. Я проводила его взглядом и направилась следом.

Вечером будет взбучка.

– Лиль! – испуганный окрик Тимура сильно озадачил меня.

Наша входная дверь была открыта. Но мама с папой на работе. Я схватила брата за руку и оттащила его назад, думая кому бы позвонить. Соседи все работают. Дома точно никого.

Пока я соображала и держала брата, дверь оглушительно хлопнула, и мимо нас вихрем пронеслась мама.

– Мама?

– Так. Лиля, ты сегодня у нас главная. Обедаете, делаете уроки и ждёте Тамару Васильевну, она приведёт Амину.

– Мам!

Вся взъерошенная и дёрганная, она пугала нас до ужаса. Мама выскочила в домашнем костюме, лишь накинув на себя пальто. Короткие сапоги смешно смотрелись со спортивными штанами. Заплаканное и опухшее лицо заставило меня сильнее стиснуть руку Тимура и прижать его к себе.

Мама быстро поднялась к нам, схватила меня за плечо и жарко зашептала:

– Лиля, будь умничкой! Двери никому не открывать! Хорошо? – тёплый и сухой поцелуй в щеку. – Тимур, слушайся сестру.

Ему тоже перепало чуток ласки.

Провожая маму взглядом, мы с братом так и стояли на

лестничной площадке, ничего не понимая. Такое было впервые.

– Лиль? Всё же будет хорошо?

Я только кивнула и обняла брата.

– Конечно, Тим.

Мама вернулась поздно вечером заметно расстроенная. Она не хотела даже говорить с нами. Просто накормила ужином и уложила спать. Тим, обычно споривший с ней до победного, испуганно молчал. Он лёг в кровать без единого возражения.

Брат с сестрой уже спали, а всё ворочалась с боку на бок.

Что-то случилось.

Обычно мама становилась такой из-за папы. Когда-то давно им даже пришлось переехать из родного города сюда. Тиму тогда года два было. В первый класс я пошла здесь, в небольшом городке, затерявшемся между Москвой и Уралом.

Раньше она постоянно встречала папу два раза в месяц, когда на заводе выдавали зарплату. Объясняла это тем, что сейчас страшно с такими деньгами одному ходить, а вдвоём как-то веселее и безопасней.

У меня не было причин не верить маме.

Но сегодня папа не получал зарплату. Сейчас только начало месяца. Почему мама тогда даже с работы отпросилась? Что-то с папой случилось? Он так и не пришёл с работы до-

мой. На все наши расспросы отмалчивалась.

Я перевернулась на другой бок, разглядывая закрытую дверь. В комнате было очень темно, зашторенное окно не давало света. Дверь как дверь. Обычная, деревянная, белая. Только в самом низу пробивалась тонкая, тёплая полоска. Свет в коридоре не горел, мама, видимо, сидела на кухне.

Мирно тикали часы, а мне совершенно не спалось.

Интересно, сейчас очень поздно?

Тим собирался со мной ждать папу, но не выдержал и заснул. Под сопения Тима и Амины хорошо думалось.

От громкого хлопка двери я подскочила в кровати, испуганно посмотрев на брата и сестру: те безмятежно спали.

Шуршание одежды в коридоре и тяжёлые шаги. Папа вернулся!

Я вскочила, надела тапки и бросилась к двери. Уже схватившись за ручку, остановилась, услышав тихий гневный восклик матери:

– Где ты был?

– На работе.

– Не ври мне. Жанна звонила, Боря уже с пяти вечера дома. Вам дали премию? Почему ты мне ничего не сказал? Почему? Толя, я устала ругаться с тобой. Мы же договорились...

– Не было никакой премии, с чего ты взяла?

– Толя! – мама вскрикнула, хлопнув ладонью по столу.

Звук был очень похож именно на это.

Испуганно закрыв глаза, я прижалась лбом к двери и продолжила подслушивать. Мама с папой перешли почти на шёпот, и я уже не понимала, о чём они говорят. Их голоса слились в один гул.

Стало немного холодно. Растирая плечи руками, я жадно льнула ухом к холодному дереву. Хотя и гадко, что мама с папой ругаются, но мне было очень интересно и любопытно.

Не выдержав, я приоткрыла дверь и высунулась в коридор. Голоса стали громче, но всё равно ничего не разобрать. Стараясь не скрипеть, сделала щёлочку пошире, и вышла из комнаты. Пробираясь вдоль стены, тихо кралась к кухне.

Большой, тяжёлый и очень старый комод послужил для меня неплохим укрытием. Он стоял почти у самой кухни, отсюда всё отлично слышно, а меня не видно.

Я присела, спрятавшись за ним, и натянула верх пижамы себе на колени.

– Ты же обещал... Понимаешь? – мама уже начала всхлипывать. – Толя, у нас дети. Ты о них подумал? Если тебе плевать на себя, на меня... Но они же твоя кровь и плоть! Твои дети! Сын, дочери. Понимаешь? Понимаешь?!

Звук шлепка и молчание.

Неужели мама ударила папу?

– С кем ты играл? С кем?

Я удивлённо открыла рот и прижалась затылком к стене.

Играл?

Разве взрослые играют?

Во что может папа играть?

Что в этом страшного, я никак не могла понять. Как и того, почему мама плачет и кричит именно из-за этого. Родители всё продолжали ругаться. Теперь они перекрикивали друг друга.

Испугавшись, я закрыла уши, превратив ссору родителей в обычный гул. Молча считала про себя. Один. Два. Три...

Когда гул начал утихать, боязливо убрала руки от головы, прислушиваясь к разговору на кухне. Папа молчал. Мама всхлипывала. Мне так захотелось её утешить, пожалеть. Но так страшно выйти и признаться, что я слышала, о чём они говорили.

– Ирод, как тебе в голову такое пришло? Зачем? Зачем ты с ними играл? Тебе мало игровых автоматов и дружков, что чуть не убили тебя? Надо было оставить тебя там! Сдать им, чтобы тебя на лоскуты порезали, мразь! – громкий и немного писклявый крик мамы выбил из меня слёзы. Тихо плача, я уже очень жалела, что вышла из своей комнаты.

– Сколько ты проиграл? Сколько? – мама ещё всхлипывала, но голос у неё был очень злым.

Я никогда не думала, что она может быть такой. Она всегда казалась мне очень мягкой, тёплой домашней. Мама всегда была спокойная, не кричала на нас. Даже когда Тим устраивал свои самые мерзкие и гадкие проделки, например, выливал клей на стул учителю, она не ругала его. Просто тихим голосом, от которого мы покрывались крупными му-

рашками, начинала отчитывать. Несколько занудно и очень вдумчиво. От этих спокойных выволочек было хуже, чем от грубого окрика отца.

А сейчас она кричала. Так пронзительно и страшно, что мне хотелось куда-то спрятаться. Не слышать всего этого. Но меня будто саму на клей усадили. Не было сил встать и спрятаться, убежать.

– Так сколько?

– Много.

– Много это сколько?

– Очень много, – отец хрипло выдохнул. – Пятнадцать тысяч.

– Наскребём. Я займу... – тихие шаги сменялись частым поскрипыванием деревянного пола. Похоже, мама ходила из угла в угол.

– Долларов.

Крики. Вопли. Противный треск. В ушах что-то звенело. Я покачивалась из стороны в сторону, пытаюсь представить, сколько это денег. Наверное, действительно много. Перед моими глазами росли стопки и башенки из зелёных купюр. Я никогда не видела доллары в глаза. Но слышала, что они зелёные. Вот и сейчас они представали передо мной ярко-зелёными бумажками, похожими чем-то на листья сирени.

– Ты скотина! Сволочь! – глухие удары и яростный шёпот в ответ. Папа что-то говорил, но что, я не слышала. – Я продала родительскую квартиру, покрыла твои долги! Где мне

взять эти деньги? Зачем я вообще с тобой связалась! Поверила! Надо было бросить тебя... Бросить подыхать! Они же придут за нами всеми. За всеми! Как ты этого не понимаешь? У тебя трое детей! Тебе их совсем не жаль, да?

– Они не придут за деньгами. Я с ними расплатился.

– Чем? Чем же ты расплатился? Ты просадил всё, что у тебя было. Всё! Слышишь? Всё! И семьи у тебя больше нет. Проваливай! Не хочу тебя видеть! Не хочу! Зачем я только повелась... Зачем? Дура!

Больше слушать я не могла. Плача и вытирая слёзы рукой, пошла обратно в комнату. Случилось что-то совсем плохое. Настолько, что я не могла себе представить.

Как мог папа проиграть то, чего нет? Разве у него были такие деньги? И почему он на них играл? И зачем?

Я тихонько легла в свою кровать. Она уже остыла, и мне стало холодно. Дрожа всем телом, накрылась одеялом с головой. Как хорошо лежать вот так. Словно я в домике, и никто не сможет сделать мне ничего плохого. Есть только я и этот маленький мирок. Волшебный, сказочный и неуязвимый. И всё плохое просто отскочит, отлетит. И всё будет хорошо.

Грохот, треск и пронзительный крик.

Подскочив в своей постели, с ужасом смотрела на дверь. Тимур сонно потянулся и плаксивым голосом спросил:

– У нас шкаф упал?

Амина протяжно заревела. Она очень испугалась. Я бросилась к ней и взяла сестрёнку на руки.

Дверь открылась внезапно. Включился свет. На пороге стояла мама. Она была очень бледная, заплаканное лицо и всклокоченные волосы пугали ещё больше.

Бросив в центр комнаты большую дорожную сумку, она сиплым голосом еле прошептала:

– Собирайтесь.

Сама же подошла к нашему шкафу и, резко открыв дверцы, начала доставать наши вещи.

– Берём только самое необходимое. Лиля, помоги Тимуру. Амина, сядь на стульчик и посиди, подожди. Можешь пока надеть колготки.

В комнате был просто кошмар. Мама металась хватая какие-то вещи и складывая их в сумку. Мы с братом собирали свои вещи с вешалки. И если я понимала, почему мы так резко собираемся, то Тимур смотрел на маму испуганным взглядом, боясь что-либо спрашивать.

– Мамочка, а куда мы едем? – Амина сонно тёрла глаза и натягивала одной рукой колготки, другой прижимала к себе потрёпанного плюшевого льва.

– Мы? – мама отвлеклась и посмотрела на нас страшным взглядом. Заплаканные глаза только стали больше, словно она так широко открыла их, что они буквально выпучились. – Мы едем к тётке Альфии.

– А кто это? – сестрёнка опустила ноги и немного расстроено посмотрела на маму.

– Это моя крёстная. Она живёт в деревне. Ты же хотела

посмотреть на лошадок?

– А у неё есть лошадки?

– Есть. У неё и овечки есть, и кролики.

– Ура! – Амина захлопала в ладоши.

– Мама, а папа? – я задала вопрос, который ещё сильнее расстроил маму.

– Папа? – она даже не повернулась ко мне, хватая наши тёплые вещи. Кофты и штаны, носки. – Папа потом придет. Всё. Одеваемся и выходим. Такси уже должно было приехать.

Мы торопливо выходили из квартиры. Я и Тим сжимали портфели, мама несла Амину и тащила за собой сумку.

Всё было таким взбалмошным и страшным. Ночной город, пропахшее сигаретами такси. Холодный автобус. Мама не останавливалась ни на секунду. Она вела нас узкими улицами, пустыми дворами. Иногда переходили на бег. Мама постоянно осматривалась, вглядывалась в проезжающие мимо машины.

Чего так боится мама, если папа сказал, что он оплатил долг? Зачем уходить ночью? Ещё и без папы...

Потом мы ехали на электричке, снова на автобусе и лишь в середине следующего дня сели в поезд. Мама купила на оставшиеся деньги три билета к тёте Альфии.

Мама не соврала. У тёти Альфии был большой деревянный дом в деревне. И у неё действительно была лошадь, и

овцы. А ещё тётя была очень старой. Наверное, даже старше нашей бабушки.

Когда мы приехали, она встретила нас у больших деревянных ворот, боязливо пропуская нас внутрь. От неё пахло сдобой и вареньем.

Налопавшись пирожков, Тим и Амина уснули, а я слышала, как тихо плачет мама, рассказывая что-то своей тёте. На этот раз я решила не подслушивать. Просто лежала и ждала, когда же смогу заснуть.

Дорога была трудной и тяжёлой. Мы так устали, особенно Амина. Вот сейчас мы все втроём лежим на большом старом продавленном диване. Здесь пахнет чем-то сырым, а ещё немного дымом. Наверное, потому, что топится печь. Пузатая, украшенная цветной плиткой.

Я посмотрела на брата с сестрой и позавидовала им. Они не знают, что произошло. Амина слишком маленькая ещё, чтобы что-либо понять. А Тимур... Папу он обожал. Что скажет ему мама? Как объяснит? И мне? Или будет хранить всё втайне?

Повернувшись набок, прижалась к сестрёнке. Тим спал возле стены. Почему же я не спала тогда? Не сплю сейчас.

Амина такая тёплая. А ещё от неё приятно пахнет. Печеньем и молоком. Осторожно трогая её светлые волосы, всё думала и думала... Думала...

Мне снился странный сон. Я шла по длинной извилистой дороге. Она была удивительного ярко-жёлтого цвета с чётко

очерченными прямоугольниками кирпичей.

Не выдержав, присела и дотронулась до них рукой. Тёплые, ровные. Они скорее напоминали плитку, а не кирпич. Я всё гладила их, ещё не веря в происходящее.

Высокие деревья с густой зелёной листвой. Низкие кустики, и мелкие белые цветы, усевавшие все пространство по бокам дороги. И больше ничего. Тишина, рассеянные лучи света.

Какой странный сон.

Всё было так знакомо...

Будто я очутилась в сказке.

Что-то мягкое и тёплое дотронулось моей руки. Скосив взгляд, я увидела рыжий загрывок.

– Джек, лапочка, ты-то что тут делаешь?

У тёти Альфии оказался замечательный охранник. Джек. Мама сказала, что он обычная дворняга. Но более верной и храброй собаки было не сыскать. Как только мы вошли во двор, он приветливо нас обнюхал и проводил до самого дома. Пока мама заносила вещи, а Тимур и Амина познакомились с тётей, я подошла к Джек и ласково погладила его по загривку.

Я всегда мечтала о собаке, но мама не соглашалась. Ведь у меня есть брат и сестра. Нужно заботиться о них. Я должна быть её помощницей. А собака – это лишние хлопоты и траты.

– Тебя зовут Джек, да?

Пёс лизнул мою руку и радостно посмотрел на меня своим карим, немного влажным взглядом.

– А я Лиля. Похоже, мы тут у вас погостим чуть-чуть. Что скажешь? Мы подружмся?

Теперь я почёсывала его уши. Он нравился мне всё больше и больше.

Так как же он оказался в моём сне?

– Джек?

Пёс отчаянно заскулил, прижимаясь к моим ногам.

– Джек?

Я подняла взгляд и заметила, что на нас нёсся огненный вихрь. Он скручивал деревья, вырывал кусты. Пыльная завеса, смешиваясь с дымом, окутывала всё вокруг тёмной пеленой. Яркие искры и треск, грохот и странный запах чего-то горелого.

– Джек? Джек!

Вцепившись в Джека, встала на колени, боязливо пряча своё лицо у него в густой рыжей шерсти. Он рассерженно лаял, изредка визгливо подвывая...

– Джек?

Лай становился всё громче, а к нему примешался странный треск. Я моргнула и поняла, что всё же это был сон. Сейчас я снова видела старый ковёр на стене, люстру на потолке с тканевым абажуром и длинной бахромой. Только всё было какое-то нечёткое, размытое.

– Джек?

Пёс гавкал на улице, гремя цепью. Он куда-то рвался. Выл, царапал будку.

Пахло горящим камином. Очень сильно пахло.

Окончательно проснувшись, я подскочила в постели. Амина всё ещё спала, прижимаясь ко мне. Тимур развалился на своей половине дивана, раскинув руки в стороны. Лицо у него было очень бледным.

Закашлявшись, протёрла глаза. Вся комната была в дыму. Он стелился по потолку, окутывая стены. Печка всё так же мирно потрескивала сухими дровами.

– Мам! – мой испуганный крик разбудил Амину. Она сонно открыла глаза и непонимающе смотрела на меня. – Мама!

Потолок осветился чем-то оранжевым и в комнате стало отчётливо пахнуть чем-то очень горелым. Обычно так пахло, когда волосы попадали на конфорку нашей газовой плиты.

Вцепившись в руку Тима, трясла её, пытаюсь разбудить брата.

– Тим, вставай! Тим!

Он лениво перевернулся набок, что-то бурча.

– Тим! Давай же...

Я уже вскочила, растерянно осматриваясь по сторонам. Надела свои тапочки и искала что-то тёплое для Амины. Но все вещи остались у мамы в комнате.

– Тим! Вставай!

– Чего... – вялый голос брата ужасно обрадовал меня.

Схватив со стула какой-то платок, кажется шерстяной, я

бросилась к Тиму.

– Пожар!

– Пожар?

Губы у Тима задрожали, а Амина только тёрла глаза и любопытно смотрела на меня.

Треск дерева становился всё громче. Дым спускался ниже, из-под двери пробивалась узкая жёлтая полоска света.

Я дала Тиму платок и стала кутать Амину в одеяло.

– Вы вылезете через окно.

– А ты? – Тимур испуганно смотрел на меня.

– Я маму попробую найти.

Тяжёлая оконная рама не хотела поддаваться. Мы с Тимом дёргали её изо всех сил. Но разошедшееся дерево лишь надсадно скрипело. Стёкла оглушительно звенели.

– Оно не открывается! – брат, чуть ли не плача, повис на оконной ручке.

Что же делать? Что делать?

Свет из-под двери становился всё ярче, с красноватым оттенком.

Я схватила цветочный горшок.

– Тим, отойди! – только и успела крикнуть, прежде чем кинуть его прямо в окно. Стекло треснуло и осыпалось крупными осколками. Не знаю почему мне пришла эта мысль в голову, но я стянула своё одеяло с дивана и положила на низ рамы.

– Мы же порежемся!

– Нет. Просто лезь аккуратно. Давай!

Тим было запротестовал, но надсадный скрип дома, похожий на стон, напугал его сильнее, чем опасность пораниться. Он выбрался во двор и замахал мне руками.

– Так, Амина. Ты сейчас пойдёшь на улицу и поиграешь с Джеком. Хорошо?

– Хорошо.

Сестрёнка не выглядела такой испуганной, но была очень бледной, кутаясь в толстый плед. Подхватив её на руки, побежала к окну. Просунуть Амину оказалось нелегко. Ещё и Тим был низко. Я боялась, что он не удержит сестру.

– Тим, держи крепче.

На удивление брат вцепился в неё так крепко, что Амина даже захныкала.

– Назад, отходите назад!

– А ты?

– Я сейчас...

Обернулась назад и со страхом увидела, что дверь начала тлеть. Небольшие язычки пламени уже появились у самого её верха.

Нужно искать маму с другой стороны дома.

Сама не поняла, как выбралась через окно, не задев ни одного осколка. Глухо шлёпнулась на чисто выметенный двор. Тим и Амина стояли уже у самого забора. Джек метался у своей конуры, уже охрипнув от лая.

Тапки то и дело слетали с ног, когда я побежала вокруг

дома:

– Мама! Мама! Мы тут!

Завернув за угол, наткнулась на кого-то. Я отлетела, будто мячик, упала на землю и сдавленно заплакала от боли. Чья-то крепкая рука схватила меня за волосы, рывком поставив на ноги.

– Ай! – я пыталась вырваться, рыдая от страха. Чуть поодаль уже стояли мама и тётя Альфия. Рядом с ними были какие-то мужчины. Я не знала, кто они. – Мама!

– Отпустите её! – мама бросилась ко мне, но на неё что-то направили, и она остановилась. Вся перемазанная чем-то чёрным, она плакала, прижимая руки ко рту.

– Лиля! – оглянулась назад и увидела, что Тима и Амину нёс ещё один мужчина. Всего их было четверо. Брат вырвался и лягнулся, но по сравнению с таким громилой он был жалкой букашкой. – Отпусти меня! И Амину! И Лилю!

Страшный человек уверенно подошёл к моей маме и отдал ей моих брата и сестру. Но меня никто не собирался отпускать. Я цеплялась за крепкую руку, пытаюсь вырвать её из моих волос.

– Думала убежать? Счёт не закрыт, – мужчина державший меня начал хрипло говорить. – Мы заберём только то, что нам причитается. А это, – он кивком указал на горящий дом, – предупреждение.

– Нет, пожалуйста! – мама упала на колени, грызя руку и громко рыдая. – Я заплачу! Я найду деньги!

– Он выбрал её, в качестве залога. У вас были сутки. Так что теперь забудь о деньгах.

Я смотрела на маму. О чём они говорят? Почему эти страшные и жестокие люди сожгли дом тёти? И зачем им я? Из-за папы?

– Мама! – вырываясь и извиваясь ужом, я молотила своими маленькими кулаками державшего меня мужчину. Крича и плача, я очень хотела, чтобы он отпустил меня.

Что-то мохнатое и пушистое налетело на мужчину. Хруст, чавканье и утробное рычание.

– Сука!

Джек, он сорвался с цепи и буквально вцепился в руку, наматавшую мои волосы на кулак. Хватка ослабла, и я отползла от разъярённой собаки и не менее разъярённого мужчины.

Размазывая слёзы по лицу, я будто окаменела. Было страшно что-либо делать.

– Лиля! Беги! Слышишь, беги!

Я со страхом посмотрела на маму. Один из тех бандитов, стоявших возле неё сделал шаг вперёд и со всей силы ударил маму. Она схватилась за голову и осела на колени.

Затем, смотря мне прямо в глаза, поднял руку, он сжимал в ней что-то чёрное. Что-то... очень похожее на пистолет. Такой пластмассовый был и у моего брата.

Оглушительный хлопок, ещё один и Джек, взвизгнув, затих. На его рыжей шерсти появились два красных пятна.

– Мерзкая псина! – тот мужчина, что схватил меня, ругаясь, сбросил с себя мёртвого пса и злобно посмотрел на меня. Я же, застыв от ужаса, перевела взгляд на стрелявшего. Он сделал шаг вперёд, и я увидела на его лице жуткие шрамы, теперь его хорошо освещало пламя горящего дома. Равнодушно рассматривая меня, он перевёл пистолет на Амину.

– Ты же пойдёшь с нами?

Ничего не видя из-за слёз, я кивнула. Я не хотела, чтобы такие же красные пятна появились на моей сестре.

Раненый Джеком мужчина встал с земли, отряхнулся и привычным движением закинул меня к себе на плечо.

МАРТ 2019

Машина плавно двигалась по трассе. Лиля спокойно смотрела на дорогу, изредка бросая взгляд на часы, мигающие красным на приборной панели.

Облизав пересохшие губы, я решила спросить у неё:

– Почему Серёга тебе не поверил? Разве так сложно было выяснить правду?

– Кто будет верить проститутке, у которой поехала крыша? Даже мои документы не сохранились. И я не помню свою фамилию, адрес, город, в котором жила. Как бы ни старалась вспомнить... Может, это и к лучшему. Саша сделал мне другие документы. Чтобы я могла начать жизнь заново. Поэтому Сергей мне и не поверил. Саша ведь тоже непростой человек. Проститутка, оправдывающая убийцу. Смеш-

но, правда? – девушка вполне искренне улыбнулась мне.

– Что значит «поехала крыша»?

– Это сложно объяснить. Просто... это был способ выжить.

– Стать сумасшедшей?

– Не совсем, – Лиля уклончиво ответила, посмотрев на меня злым, цепким взглядом.

– А твоя семья? Они знают, что ты жива?

– Было бы слишком жестоко показаться им такой. Чтобы они знали, что со мной сделали, – Лиля отвела взгляд и грустно усмехнулась. – Пусть думают, что меня больше нет. Иногда неведение лучше всего. Как и забвение. Это мне Пугало объяснил.

– Пугало?

– Да, тот мужчина со шрамами. Пугало. Даже несмотря на то, что Пугало убил Джека, человеком он оказался неплохим. Это ему я должна сказать спасибо, что сейчас жива.

– Сказать «спасибо» убийце и похитителю? – я не верила своим ушам. Новая форма извращённого Стокгольмского синдрома?

– В твоём мире есть белое и чёрное. В моём – только чёрное. Поневоле научишься различать полутона. И делать выбор.

– А почему Пугало? – я всё разминала руку. Она затекла так, что уже пальцы онемели и кожу неприятно покалывало.

– Держи, – Лиля сунула мне в свободную ладонь неболь-

шой ключ. – Как бы сказал мой психиатр, это была естественная реакция моей психики. Искать в незнакомом знакомое. Мой мозг решил, что герои сказки будут мне более привычны. Им я поверю. Он оказался прав.

Глава третья

МАРТ 2019

Я потирала запястье, со злостью наблюдая за тем, как на моей коже появляется багровый след от наручников. Но я практически сразу остыла, вспомнив слова Лили.

Она сидела на цепи.

– Почему Пугало?

– Что? – Лиля отвлеклась от дороги всего на секунду, окинув меня недоумённым взглядом.

– Почему Пугало?

– Не знаю, – девушка пожала плечами и криво улыбнулась. – Просто он был такой... страшный. Но со мной был добр, насколько это возможно. Даже заботился, пусть это и выглядело не так. А ещё он был умный. Очень умный. Но это я поняла гораздо позже. Просто, когда была такой маленькой, то плохо понимала, что к чему. Не то что сейчас.

С каждым словом, я верила Лиле всё больше. Её рассказ не был похож на бред сумасшедшей. Почему же Серёга ей не поверил? Или он увидел в ней что-то другое? Или знал о ней гораздо больше, чем я.

– А если... если Серёга не сможет тебе помочь?

Лиля крепче сжала руль и поджала губы. Она что-то обдумывала, внимательно наблюдая за дорогой.

– Лучше бы ему сделать всё, что нужно. Иначе... – холод-

ный взгляд пробрал меня до костей. Ведь обещала не трогать меня. — Он очень пожалеет.

2002

Сидя по-турецки на холодном дощатом полу, я с интересом разглядывала древесный узор. Больше мне было нечем заняться.

Пугало не приходил уже очень давно.

А кроме него никто не приносил мне книг.

Это единственное, что мне было разрешено. Больше ничего.

Проведя пальцем по забавной завитушке на узкой, щербатой дощечке, я думала о том, куда же делся Пугало.

В комнате стало совсем темно. Закрытые ставни не пускали сюда солнечный свет, он пробивался совсем тонкими ниточками через малейшие щели. А сейчас, видимо, уже вечер.

Пошёл четвёртый день. Если я правильно всё сосчитала.

Да. Четвёртый день, как он ушёл.

Загремев цепью, я устало встряхнула руку и подползла к грязному матрасу. Никому нет дела до меня.

Может, это и хорошо. Что я одна.

В животе сильно заурчало. Очень кушать хочется. Грязная, пустая миска так и стояла у двери. Сегодня я ничего не ела. Хотя сделала так, как сказал Пугало. Я всё делаю, как он говорит.

Когда я только здесь очутилась, то много плакала. Он про-

сидел со мной несколько часов, пока я не привыкла и не перестала его так сильно бояться. Как только я стала смотреть на него без дикого ужаса, он вышел и принёс что-то.

– Держи, – мужчина протянул мне бутылку воды.

Я боязливо взяла её и начала торопливо пить, захлёбываясь и жадно вздыхая.

– Не выпивай всё зараз. Лучше по чуть-чуть, маленькими глоточками. Пей только тогда, когда во рту начнёт пересыхать. Я не всегда здесь буду. Береги воду.

Так я и делала. Берегла воду. Берегла еду.

Но кушать всё равно хочется очень сильно.

Свернувшись калачиком на холодном матрасе, я натянула на себя колючее и тяжёлое шерстяное одеяло.

Смотря в одну точку, вспоминала, как мы с Тимом купались в речке. Как мы с визгом бросались в воду с крутого берега и весело смеялись, убегая по песчаному берегу от Амины. Как она плакала, протягивая к нам руки.

Амина, Тим, мама...

Папа.

Его я уже почти не помнила.

Первые дни я постоянно звала маму, чем ужасно раздражала всех. Мне всё не верилось, что я больше никогда не увижу её. Просыпаясь в слезах, кричала, сжимаясь в комочек.

Угроза сидеть с кляпом во рту сделала своё дело.

Теперь я только плакала.

Сейчас и плакать нечем.

Интересно, ищет ли меня мама?

Знает ли она, что произошло с папой?

Пугало тогда пришёл какой-то весёлый и от него неприятно пахло чем-то резким, невкусным. Хрипло кашляя, он подвинул мои ноги и сел на край матраса.

– Эй, держи, – сунул мне булку в руку и потянулся к карману грязной клетчатой рубашки, доставая из него мятую пачку сигарет.

Вдыхая сладкий аромат свежей булочки, я не могла поверить своим глазам.

– Ешь.

Дважды говорить не надо было. Торопливо отламывая маленькие кусочки, я запихивала их один за одним в рот, наслаждаясь мягкой, вкусной булкой с изюмом. Сначала я делала это слишком быстро, почти не жуя. Но заметив, что булочка уже заметно уменьшилась, начала более тщательно пережёвывать свежую сдобу.

– Ты знаешь, почему ты теперь здесь?

Я неуверенно кивнула, чем очень удивила Пугало. Он почесал небритую щеку, а я в очередной раз ужаснулась его шрамам, словно его кто-то ударил большой когтистой лапой. Вся левая сторона лица была стянутой, рваной и кривой. На виске не росли волосы, потому что там был толстый белый рубец, пересекающий ещё и часть лба. Щека смотрела куда-то вверх. Отчего мне всегда казалось, что Пугало вечно ухмы-

ляется.

– Откуда?

Проглотив последний кусочек и облизывая пальцы, хрипло прошептала:

– Маму с папой подслушала. Папа деньги проиграл.

– Верно. Папка твой ещё тот гад...

От этих слов я поморщилась. До этого момента, я никогда не винила в том, что произошло. Просто ненавидела всех этих четверых, что подожгли тётин дом и забрали меня.

– Теперь, правда, ты его точно не увидишь.

– Почему?

Я села рядом с мужчиной, боязливо поглядывая на него. Он перестал вертеть сигарету в пальцах и достал спички. Сухой треск и лицо Пугало на секунду осветилось ярким рыжим огоньком.

– Папка платёж просрочил. А это плохо. Особенно для тебя, – он внимательно посмотрел на меня. И я заметила в его глазах что-то похожее на жалость. – Теперь его долг твой.

– Мне нужно будет вернуть деньги? – удивлённо переспросила, распутывая волосы, сбившиеся одним колтуном.

– Да. И проценты. Поверь, это очень много.

– Папа отказался платить?

– Нет, что ты, – Пугало страшно улыбнулся, оскалившись, показал мне свой золотой зуб. – Просто теперь его никто никогда не найдёт.

– Он сбежал?

Пугало осклабился и затушил сигарету об пол. Бросил окурок в угол и серьёзно посмотрел на меня.

– Как звали того храброго пёсика?

– Джек, – я удивилась, что сейчас мы вдруг заговорили про него.

– Ты помнишь, что я сделал?

– Выстрелил в него.

– Вот и в папу твоего выстрелили.

– Он умер? – я испуганно подняла взгляд и заметила, что говоря это мне, Пугало чем-то очень доволен.

– Да, умер. Как по мне, он ещё легко отделался. Проиграть собственного ребёнка, мразь, – мужчина злобно сплюнул на пол и взъерошил мои волосы. – Теперь твоя жизнь зависит только от тебя самой.

Папа умер.

А что с мамой?

Пугало не говорил ничего.

Если бы и она умерла, то он точно бы сказал мне.

Может, меня найдут?

Время шло. И судя по тому, как в комнате пахнет прелой листвой и сыростью, и по холодным ночам, сейчас уже осень.

В доме что-то сильно хлопнуло, и я настороженно подняла голову. Пугало пришёл? Гулкие шаги раздавались за дверью, раз за разом то отдаляясь, то приближаясь. Словно кто-то не мог решить, заходить ему в комнату или нет. Я сильнее закуталась в одеяло и продолжила слушать.

Шаги переместились куда-то влево, похоже, в соседнюю комнату. Потом пол начал сильно скрипеть.

На пару минут всё затихло.

Я закрыла глаза. Сегодня уже никто не придёт, может быть завтра...

Живот заурчал снова. Посмотрев на лежащую рядом бутылку, решила сделать пару глотков. Воды там было чуть меньше половины. Мне надолго хватит.

Сверху что-то гулко застучало, и на меня посыпались пыль и труха. Закрыв лицо одеялом, я попыталась уснуть.

...ИДЁМ ДОРОГОЙ ТРУДНОЙ...

Мои туфельки звонко стучали по гладким кирпичам Жёлтой дороги. Сегодня здесь было также тихо. И ни одного следа того жуткого урагана.

Деревья всё ещё были покрыты зелёной листвой, кусты тихо шелестели. Но вот цветов нигде не было видно. Только молодая, свежая, густая трава.

– Ау! – мой голос разлетелся гулким эхом, будто я была в большом и пустом зале.

Никого.

Опустив взгляд на свои ноги, я с удивлением увидела на себе серебряные туфельки, как из сказки. Закруглённые носы были украшены красными бантиками. Небольшой каблучок звонко стучал по ровным камням дороги.

Голубое платье из джинсовой ткани оказалось поче-

му-то мятым, а снизу ещё и драным.

Потрогав свою голову, с удивлением нащупала две туго заплетённые косы, сложенные корзинкой и перевязанные шелковой лентой.

– Ау!

И снова мой крик потерялся в этом странном мире.

Что же мне делать?

Я обернулась назад и увидела, что дорога резко обрывается. Её жёлтые кирпичи осыпались, и торчали на рваном краю будто зубцы.

Сделав пару шагов, с ужасом заглянула в тёмную бездну. Чёрная воронка уходила далеко вниз. Там не было света, не было ничего. Пустота.

– Эй!

Даже эха не было. Будто мой голос утонул в чём-то вязком и мягком.

Снова посмотрела вперёд. Дорога широкой жёлтой лентой уходила вдаль, теряясь среди высоких деревьев и зелёных холмов.

Значит, мне нужно идти туда.

Трусливо ёжась, и обхватив себя руками, я медленно пошла прямо по Жёлтой дороге. Каждый шаг давался мне так легко, что вскоре я перешла на бег.

Деревья мелькали высокой стеной, скрывая за собой остальной мир.

Чем дальше я уходила от края, тем темнее становилось.

Свет постепенно гас, словно кто-то прикрутил ручку ночника.

Усталости не было. Я всё бежала и бежала по этой бесконечной дороге, надеясь, что всё же встречу кого-нибудь.

Деревья начали редеть. Перейдя на шаг, я теперь внимательно осматривалась по сторонам. Подул тёплый ветер, принеся с собой затхлый, мерзкий запах.

Дорога вильнула влево, и я вышла к небольшой опушке. Там, за совсем редкими деревьями, торчали сгоревшие остовы домов. Их было много. Похоже, здесь была небольшая деревня. А сейчас только одни угли. Всё это случилось давно. Запаха дыма не было. Чёрные потёки тянулись от тех домов к дороге, грязные лужи уже почти подсохли у правого края.

Поджав губы, я быстрым шагом пошла дальше. Идти туда, на то страшное место, мне не хотелось.

Стало совсем темно, и только мои туфельки едва светились в темноте, благодаря им я не теряла Жёлтую дорогу из виду.

Раздалось глухое, сдавленное карканье. И я обрадовалась ему так, будто нашла ещё одного человека, а не жалкую ворону.

Деревня осталась позади, когда я в темноте с трудом различила небольшую развилку. Грунтовая дорожка, узкая и изгибистая шла через засохшее поле, уходя куда-то во тьму. Сколько бы я ни приглядывалась, так и не смогла по-

нять, что же там такое.

Карканье доносилось именно оттуда.

И я решила посмотреть, что же там. Вдруг кому-то нужна моя помощь.

Теперь стук каблучков не был слышен. Пыльная тропинка с жадностью заглушала всё. Редкие, но резкие порывы ночного ветра злоеще шумели высохшей пшеницей. Её острые колосья были совсем пустыми и бесполезно трещали, когда я случайно задевала их рукой или плечом.

Поле кончилось небольшим рвом, через который был перекинута две доски. Там, дальше начиналось кладбище. Каменные кресты, статуи с обломанными крыльями и просевшие крыши каких-то странных маленьких домов.

Доски тихо скрипнули, когда я перешла через пересохший ручей. Остановившись у гнутых кованых ворот, осторожно коснулась заржавевшего металла.

Там, среди могил кто-то был. Я разглядела чью-то фигуру.

– Ау!

Тень обернулась ко мне, и я увидела два горящих жёлтых глаза.

– Кто... ты... – голос был похож на шелест осенней листвы.

– Я? – растерянно переспросив, задумалась. – Девочка.

– Что... ты... тут... делаешь... – голос стремительно приближался ко мне, как и злобный свет глаз.

– Я не знаю... – честно ответила, крепче сжимая насквозь проржавевшие прутья калитки.

Из мрака ко мне вышла сгорбленная, ковыляющая фигура. Свет глаз смешивался с сиянием тифлек, разгоняя плотные покровы ночи.

Это было что-то похожее на человека. Худое высокое тело, продырявленный кафтан щерился острыми пучьями соломы. Ноги терялись в слишком широких штанинах. Голова была покрыта широкополой шляпой, на которой сверху сидела почти лысая ворона, изредка глухо каркающая.

Лицо незнакомца казалось ненастоящим. Слишком гладкое и ровное. Вместо глаз были тёмные впадины с рваными краями, в которых горели огарки свечей.

Странное создание вплотную подошло к воротам и также схватилось за калитку. Мягкие, большие руки с трудом держались за верхние, ломаные крючья. С пальцев стекала мерзкая красная жижга. Она разливалась по металлу, шипя и разъедая его.

Испуганно убрав свои руки, я с ужасом заметила, что часть этого яда попала и на мои ладони. Вскрикнув, попыталась стереть его подолом платья.

Ожидая боли, с силой закусила губу, но... Ничего не произошло. Красные капли странной жидкости будто впитались в мою кожу, полностью растворившись и став со мной единым целым.

Страшилище вышло через ограду и вплотную приблизи-

лось ко мне. Багровые потоки устремились ко мне, испугавшись, зажмурила глаза. Зловонное горячие дыхание коснулось моего лица.

– Я... пойду... с... тобой...

Приоткрыв один глаз, увидела лицо, слепленное из черепичных осколков. Пустая дырка вместо рта еле шевелилась. Огарки почти догорели, и взгляд теперь был тусклым и спокойным.

– Пугало?

Стало совсем темно. Поднялся сильный ветер, но пламя огарков спокойно разгоралось, успокаивая меня своим мерным теплом.

Бардовая жижа уже собралась большой лужей у моих ног. Словно оживая, она лизала мои ноги, моментально впитываясь в мою кожу. Поднималась вверх странными, едва блестящими пятнами, не оставляя и следа на тuffельках и одежде.

Ветер усиливался, и я, не дыша, всё ещё смотрела в это уродливое, но почему-то теперь совсем не страшное лицо. Резкие порывы трепали подол платья и туго заплетённые косы.

– Как... ты... сказала?..

– Пугало, – осмелившись, коснулась рукой гладких черепков и с удивлением заметила, что рваная рана рта изобразила что-то похожее на улыбку. – Ты – Пугало. Зачем тебе идти со мной?

– Одна... не... справишься... – не замечая смрада и откровенной вони, равнодушно смотрела прямо в те впадины, что заменяли этому чучелу глаза. – Не... дойдёшь...

– Не дойду? Куда?

Пугало не ответил на мой вопрос, только выпрямился и направился к ручью. Стряхивая с себя оставшиеся капли, я торопливо побежала за ним.

– Куда мы идём? И зачем?

Чучело, хрустя соломой и чавкая стекающей жижей, упрямо шло к Жёлтой дороге.

– Куда я не дойду?

– К... замку...

– Замку?

Протянутая ладонь, набитая соломой, к удивлению оказалась очень тёплой и мягкой, совсем не мерзкой на ощупь, как могло показаться на первый взгляд.

С такой поддержкой мне стало не так страшно.

Ветер с корнем вырывал засохшую пшеницу и поднимал в воздух комья земли, пыль, ветки и сухлые листья. Но нас он не трогал. Словно мы были под невидимой защитой.

Когда мои туфельки звонко цокнули о знакомые жёлтые кирпичи, Пугало повернул ко мне свою большую голову и тихо прошепестел:

– Не... отпускаяй... меня...

В ответ я крепче сжала его ладонь, и мы уверенно двинулись вперёд. Туда, где бушевал ураган, в самое его сердце.

Я упрямо сжала губы и нахмурилась. Мне было не страшно.

2002

Тяжёлые шаги гулко отдавались в полупустом доме. Потолок нещадно скрипел, покрывая меня толстым слоем пыли.

Сонно потерев глаза, осмотрела комнату и не заметила ничего нового: старое эмалированное ведро в углу вместо туалета, миска с засохшими остатками еды у самой двери и привычная темнота. На улице всё ещё ночь. Иначе светлые полосы уже расчертили бы пол знакомым узором.

Мне было так хорошо и тепло, что я лежала не шелохнувшись. Даже голод отступил. И пить совсем не хотелось.

Какой странный сон...

В последнее время он снится мне всё чаще и чаще. И я совсем не понимаю его. Сейчас так даже просыпаться не хотелось.

Потерев руку и оттянув цепь в сторону, перевернулась на другой бок и попыталась снова заснуть. Глаза горели, мягкое тепло разливалось по телу, но сон всё никак не приходил.

В какой замок он собирался меня вести?

Что в этом замке?

И этот Пугало, который чучело, тот самый Пугало? Или я просто так назвала его. Первое слово, пришедшее в голову.

Что если мне остаться во сне? Возможно ли это? Что было бы дальше? Куда он отведёт меня? Интересно, как бы всё

сложилось, не сверни я с Жёлтой дороги... Или Пугало сам бы меня нашёл?

Шаги наверху стихли. Испуганно подняв голову, прислушалась ко всему, что происходило в доме. Ничего.

Странное чувство тревоги и страх завладели мной. Обхватив себя руками, уткнулась носом в матрас и замерла.

Мама, как же мне страшно! Почему ты меня не ищешь? Почему не заберёшь отсюда? Ты же знаешь, кто забрал меня... Мама!

Глотая жгучие слёзы, закрыла лицо руками и беззвучно заплакала, торопливо шмыгая носом. Я позволила себе непозволительную роскошь, как любит говорить Пугало. Сейчас никого нет рядом, никто не услышит и не увидит моих беззвучных всхлипываний.

Можно поплакать ещё чуть-чуть, а потом нужно будет торопливо утереть лицо и постараться выглядеть как обычно. Иначе...

Иногда я мысленно говорила с мамой. Мне казалось, что она должна слышать меня, должна чувствовать, что происходит со мной, что я ощущаю. Что таким образом я дам ей подсказку, где меня искать.

Я ей рассказывала, какие книги читаю. Что мне принесли поест. Чем здесь пахнет. Если к полумраку комнаты я уже давно привыкла, то запахи стали моим единственным окошком в большой мир, ставший для меня недоступным.

Когда снег сошёл, и началась явная капель, я слышала аро-

маты свежей травы, мокрой земли и талого снега. Стоило только закрыть глаза, как я видела всё то, что творилось снаружи дома. Пусть окна были закрыты, пусть стены скрывали меня от окружающего мира, но они не могли сдерживать эти тонкие ароматы. Подползая поближе к окну, я пыталась разглядеть хоть что-то, прижималась носом к малейшей щёлочке и вдыхала свежий, чуть холодноватый ночной воздух.

Я рассказывала маме, как вкусно пахнет сирень. Те дни были для меня самыми тяжёлыми. Ведь мама пахла так же. Это были её любимые духи. Грызя одеяло, я ревела, вспоминая родных и понимая, что Пугало прав. Я больше никогда их не увижу.

Он говорил мне это раз за разом. Это не было устрашение, нет. Словно готовил меня к чему-то другому. И просил меня повторять имена каждый вечер, чтобы я не забыла. Чтобы я помнила.

Поэтому почти каждый вечер я слала маме мысленные письма, рассказывая ей всё, что впечатлило меня сегодня.

Прошла весна, прошло лето со вкусными ароматами костра и дыма, жареного мяса, которого мне никогда не доставалось. Осень постучалась в ставни сырым, мерзким холодом и проливными дождями.

Говорить с мамой я не прекращала, но это становилось делать всё труднее и труднее.

Меня никогда не найдут.

Я никогда не увижу маму.

Сейчас мне так страшно. Будто я вернулась назад, в те первые дни, когда не понимала, что происходит и как дальше жить. Когда Пугало ещё не научил меня всему тому, что может пригодиться в стенах этой комнаты.

Как бы мне хотелось, чтобы он сейчас зашёл в комнату.

Он единственный, кто никогда не обижал меня.

Но его нет. Как и мамы.

Я совсем одна.

Скоро начнётся зима. И здесь станет совсем холодно. И запахов больше не будет. Снег не пахнет...

Эта странная, непривычная тишина напрягала меня. Обычно дом полнился шорохами, вздохами, шагами. Здесь всегда кто-то был. Пусть даже Пугало и пропадал на целые недели.

Пару раз, когда Пугало заходил ко мне в комнату, я видела других мужчин. Не тех, что были тогда той страшной ночью, нет. Какие-то другие. Они никогда не заходили ко мне.

А сейчас стало совсем тихо. Будто в доме кроме меня никого нет. Или...

Может, это Пугало?

Нет, у него очень громкие и уверенные шаги. Здесь он никогда не прятался и не старался ходить тише.

Скрипнула половица. Едва слышный треск дерева, и на меня снова посыпалась пыль. Человек направился к лестнице.

На дворе была глубокая ночь, в этом я не сомневалась,

ведь сейчас те самые страшные, холодные и тёмные часы. Приглушённые ковром шаги уже уверенно приближались к лестнице.

Почему он не спит?

Поэтому я проснулась?

Закутавшись плотнее в одеяло, затаила дыхание и со страхом вслушивалась в эти тихие, привычные звуки.

Что-то было не так.

Но я всё никак не могла понять, что же.

Внутри всё буквально кричало о том, что сейчас случится что-то страшное, непоправимое. Как тогда. Я же ведь не смогла заснуть, когда мои похитители подожгли дом. Это сейчас я поняла, что это не везение. Тогда что-то уберегло меня. И в этот страшный момент это что-то пытается в очередной раз предупредить меня.

Поглядывая на дверь затравленным взглядом, я даже забыла, что иногда нужно дышать. Просто смотрела на облупленную, покосившуюся деревянную дверь и ждала. Чего-то. Или кого-то.

Шаги приближались к моей комнате.

Он решил зайти?

Внутренне я ждала, что это Пугало. Что это он среди ночи просто решил меня проведать. У него такое бывало. Особенно когда пил. Именно тогда от него начинал исходить этот мерзкий, едва сладковатый запах.

Дверная ручка пару раз щёлкнула вхолостую, прежде чем

я, задрожав от страха, спряталась под одеялом. Треск дерева, гулкий, чуть шаркающий шаг и хриплое, очень неприятное и страшное дыхание. Это мужчина. Почти сразу же я почувствовала тот мерзкий запах попеременно с запахом табака. Он будто впивался в моё лицо, лез по одеяло, нетерпеливо одёргивая его край. Я отчётливо ощущала его.

Это не Пугало.

Он бы позвал меня. Он бы не крался. Он бы...

Это не Пугало...

Одеяло, как в далёком детстве, казалось мне самым надёжным и прочным убежищем.

Я в безопасности. Пока на мне это колючее, старое шерстяное одеяло мне ничего не грозит. Это моя стена. Защита. Непроступная крепость.

Я в безопасности, в безопасности.

Закрыв уши, всё шептала эту фразу, убеждая себя в этом. Мне так хотелось *верить*, что это правда, что всё так и есть.

Цепь натянулась не сразу. Сначала было несколько осторожных, едва заметных и ощутимых рывков. словно кто-то проверял, сплю я или нет.

Затаив дыхание и бесшумно шепча только одними губами, я успокаивала себя. Всё будет хорошо. Я в безопасности.

Но моя правая рука незаметно ползла вниз, за край спасительного барьера. Вот уже пальцы обдало холодным воздухом. Унимая дрожь и облизывая пересохшие губы, я начала молиться. Впервые в жизни. Я знала, что Бог есть. Но моя

мама никогда не учила меня этому. Сейчас во мне проснулось что-то скрытое.

Да, я начала молиться. Шептать бессвязные, глупые фразы.

Больше у меня ничего не осталось.

Рука резко дёрнулась, и я всхлипнула от острой, жгучей боли: металл со всей силы вгрызлся в моё запястье.

– Т-с-с-с! Не шуми, крошка, – сбивчивый мужской шёпот довёл меня до истерики. Поняв, что спасения нет, я просто поддалась горячей и бессмысленной панике.

Хныкая, вцепилась левой рукой в цепь и начала тянуть на себя. Но разве могла я справиться с таким сильным и жестоким противником?

Я не знала, зачем этот мужчина пришёл ко мне среди ночи, и чего он хочет. Просто что-то внутри хрустальным, тоненьким голосом говорило мне, что сейчас произойдёт что-то страшное, мерзкое и противное.

– Иди сюда...

Оглушающий грохот и пронзительный крик. Поняв, что опасности больше нет, дрожала и тряслась под одеялом.

– Сука! Сука... – крик перерос в визгливый вой. – Ты мне руку прострелил!

Очередной хлопок, и я чуть не умерла от страха. Зажав уши, вгрызлась в край матраса, стараясь не прислушиваться ко всему, что творилось в комнате.

– Падла... Какая же ты падла...

– Я тебе говорил, чтобы ты её не трогал?

Знакомый голос заметно успокоил меня. Приподняв дрожащей рукой край одеяла, я с теплотой смотрела на привычное обезображенное лицо Пугала. В руке он сжимал ещё дымящийся пистолет.

Тот же мужчина, что напал на меня, продолжал кричать и постоянно хватался окровавленной рукой за простреленной бедро. На деревянном полу была отчётливо заметна расплывавшаяся лужа крови.

– А-а-а!

Пугало подошёл ближе к раненому мужчине и наступил ногой на его колено. Противный хруст, и дуло пистолета вплотную приблизилось к лицу кричащего чудовища.

– Пристрелить бы тебя, так возни будет... Слушай меня, мразь, все мои слова понимай буквально: я сказал, малую не трогать. Что непонятного? Испортишь товар – хлопот не оберёмся.

– Ты выстрелил в меня!

– Скажи спасибо, что самое дорогое оставил. Казанова несчастный... – дуло пистолета переключало с лица к паху раненого.

Я закрыла лицо руками и просто ждала, когда всё кончится. Весь этот кошмар. Кусая губы и глотая слёзы, жалась к матрасу, в надежде, что всё это страшный сон. Вспомнив о спущенных штанах, поправила их одной рукой и свернулась калачиком, повернувшись лицом к стене.

Горячая мужская ладонь уверенно легла мне на голову. Почти ласковое поглаживание чуть успокоило меня.

– Малёк, ты как?

– Нормально... – я начала всхлипывать и бессовестным образом громко разревелась.

– Ну, перестань. Больше такого не будет.

Я рывком обернулась и посмотрела на скривившегося Пу-гало.

– Обещаешь?

– Здесь тебя больше никто не тронет... – мужчина ухмыльнулся и привычным движением взлохматил мои волосы. – А ты молодец. Так держать! Глядишь, останешься живой...

Я криво улыбнулась и шмыгнула носом.

Живой...

Глава четвертая

МАРТ 2019

На заправке никого не было. Большие стеклянные окна горели голубоватым светом. Я видела, как молодой парень за кассой увлечённо что-то высматривал в своём смартфоне.

Лиля припарковала машину чуть поодаль и устало прислонилась лбом к рулю.

Я совершенно безучастно наблюдала за всем, что происходило вокруг. Словно и не в машине вовсе сижу. Мне было действительно плохо. Будто душу вывернули наизнанку и пару раз прошлись по ней грязными сапогами.

С одной стороны, я была рада, что тогда Лиля спаслась. Что с ней не случилось того... кошмара. Но ведь это могло произойти потом. И наверняка произошло. Что творили с ней все те страшные годы, что она провела в плену?

Похоже, Лиле даётся это откровение тяжело. Она всё ещё что-то шептала, стыдливо закрыв глаза и едва морщась. Напряжённо царапала руль, глубоко, с надрывом дышала.

Неужели я – первая, кому она рассказала о своём прошлом?

– Тебе плохо? – я облизнула губы и чуть съехала на сидении вниз, упёршись коленями в бардачок.

– Нет, – Лиля посмотрела на меня взглядом смертельно уставшего человека. – Не думала, что будет так...

– ... больно? – это слово вырвалось совершенно случайно. Испуганно взглянув на Лилю, я уже сто раз пожалела, что не смогла сдержать язык за зубами.

– Смешно, что ты сказала именно это, – девушка улыбнулась мне, и впервые её глаза не выглядели разрисованным картоном. Нет, они были живые. И то, что я в них увидела, напугало меня до седых волос.

– Значит, я ошиблась.

– Нет, вовсе нет.

Обивка водительского сидения мерзко скрипнула, когда Лиля оставила руль в покое и отвернулась от меня.

– Я не боюсь боли. Даже, наоборот, иногда она для меня наижеланнейшая сладость той гнилой жизни, что я имею. У меня есть только она и ничего больше. Именно боль спасала меня всё это время. Так что к ней я отношусь более чем спокойно.

Мой настороженный взгляд вызвал едкую ухмылку.

– Хочешь сказать, что ты – бесчувственный чурбан? Я же вижу, что это не так. Тем более сейчас.

– Нет, что ты. Дело не в этом, – Лилия повернулась ко мне, и теперь я чувствовала едва уловимый аромат её духов. Терпкая сладость умело смешивалась с горькими, жгучими нотками перца. – Мне противно. Противно вспоминать, противно думать обо всём этом и понимать, что уже ничего нельзя изменить. Что я не смогу стать другой. Что моя любовь к боли сильнее всего на свете. И тем ужаснее осознавать, что

теперь я не страшусь и боли душевной. Ведь что бы ни говорили, тело и душа чувствуют по-разному. Одно порождает другое.

Я ошарашенно молчала, не зная, что сказать.

Ведь боль – это та самая вещь, отдалявшая нас с Серёгой друг от друга. То, что я ненавидела. То, что вызывало жуткую зависимость у него. И я никак не могла понять почему. Почему он не может отказаться от этого? Почему это так важно для него?

Боль – это то, что объединяло их всех. Машу и Егора, Стаса и Юлю. Только боль не физическая, а душевная. Они скрывали это, прятали в себе. Но с этим невозможно мириться вечно. Это был их выбор, их путь. Станный, непонятный и чужой.

Я терпеливо слушала их истории, пытаюсь понять, почему именно мне они открывали свою душу? Почему с такой лёгкостью рассказывали самые страшные и жуткие вещи? Мне и никому другому.

Маша и Юля, теперь вот Лиля.

В чём истинная причина их такой странной, дикой искренности?

Почему я?

– Хочешь кофе? Или лучше чай? – Лилия едва дотронулась до моей руки, заставив меня невольно вздрогнуть.

– Ты не боишься, что я убегу?

– Нет. Можешь бежать. Тем более...

—... я всё равно этого не сделаю.

Переглянувшись, мы сдержанно улыбнулись друг другу.

Уже как полчаса стоим тут, а я даже и не думала о победе. Не видела в этом смысла. Что-то внутри подсказывало, что если я останусь, то получу больше, чем кратковременную свободу. Получается, что этот разговор нужен не только Лиле, но и мне.

— Лучше кофе, — я постаралась устроиться поудобнее, но жёсткое сидение и не пахло комфортом и уютом. Мне же так хотелось вытянуть ноги.

Лиля глухо хлопнула дверью и, накинув капюшон, двинулась в сторону заправки. Я проводила её взглядом, хмурясь, наблюдая за сгорбленной и сутулой девичьей фигурой.

Почему Серёга не захотел ей помочь?

Мне с трудом верится в то, что он ей отказал. Я могу называть его сволочью и последней скотиной, но мне ли не знать, насколько он совестлив и ответственен? Можно было бы сказать, что в некоторых вещах он чересчур правильный, слишком строгий.

Почему он не поверил ей?

Я не настолько наивна и глупа, чтобы не суметь отличить правду от вымысла. Или всё дело в том, что каждую ситуацию я рассматриваю односторонне? Не могу посмотреть на всё с другой стороны. Вдруг Серёга был именно на той самой, невидимой стороне?

В любом случае у меня нет сейчас никакой возможности

проверить это.

Интересно, если Лиля ошиблась насчёт Серёги, сколько мне кататься с ней? Или она действительно отпустит меня и останется одна? Опять.

Сдвинув сидение назад, лениво стянула кеды и примостила ноги на холодной пластиковой панели, упираясь пятками в бардачок. Скользя взглядом по салону автомобиля, случайно наткнулась на тёмный и немного влажный блеск металла. Там, у самых педалей, на тонком резиновом коврик лежал пистолет.

Что если Серёгу действительно смутило само признание Лили.

Она убила человека.

Всё ли можно оправдать?

Ведь Серёга даже Олега не думал убивать. И мысли такой не было. Может, вот он, ответ?

Поэтому Лиля рассказывает мне всё. Она почувствовала мою способность найти оправдание всему. Я не буду винить её в произошедшем. Уже сейчас я перестала её бояться, скорее жалею и пытаюсь понять, почему жизнь обошлась с ней так жестоко.

Лиля вернулась очень быстро. Подойдя к автомобилю, она нетерпеливо стукнула коленкой по двери, явно намекая, чтобы я открыла её. Щёлкнув ручкой, я почти сразу же почувствовала горький запах дешёвого кофе. Обжигаясь и шипя, как рассерженная змея, я перекатывала стаканчик в руках,

пытаясь придумать, куда же его примостить.

Девушка плюхнулась на водительское сидение, поставив свой кофе сбоку в специальный подстаканник.

Мы охраняли тишину слишком ревностно. Беззвучно отпивая гадкий напиток и чувствуя, как тёплые волны бодрят тело, я косо поглядывала на Лилю. Та недовольно сверлила взглядом мобильник, явно ожидая звонка.

– Лиль, ты настолько мне доверяешь?

– Что? – девушка качнула головой и, заправив выбившуюся прядь волос за правое ухо, осторожно посмотрела на меня.

– Ты же не просто так решила это рассказать?

– Нет.

– Если дело не в доверии, то в чём?

– В памяти.

– Памяти? – я непонимающе переспросила её, сделав последний глоток.

– Да. Хочу, чтобы хоть кто-то знал, что же произошло со мной. И помнил. Не хочу бесследно исчезнуть в этой бешеной круговерти жизни. Тогда может показаться, что и меня не было. Будто я всего лишь выдумка, плод воображения.

– А твоя семья?

– Я даже не знаю, живы ли они.

Картонный стаканчик заметно остыл. Поглаживая чуть шероховатую бумагу, я водила пальцем по ободку, успокаивая саму себя.

– Значит, Пугало спас тебя?

– Ну да, я же была особо ценным товаром. Настолько ценным, что он ревностно охранял меня почти два года. Хотя сейчас я уже не уверена, что всё дело в этом.

– В чём?

– В моей продаже. Было что-то ещё, что заставляло вести его так странно. Может, я напостила ему кого-то. Или у него на старости лет проснулось чувство жалости. Или... Не знаю. Пусть я и сидела на цепи, но это были самые спокойные и лучшие два года. Тогда у меня была уверенность, что хоть кто-то способен защитить меня. Потом и этого не стало.

– Значит... это... всё же произошло. То, от чего он тебя спас?

Лиля посмотрела на меня взглядом затравленного зверя. Её губы упрямо сжались, превратившись в странную ломаную линию. На скулах выступили желваки.

– Он не спас меня. Просто отсрочил неизбежное. И я благодарна ему за это.

– Это действительно гадко и омерзительно.

– Когда это случилось первый раз, то было именно так. Я, глупая, надеялась что дальше всё будет по-другому... – Лиля сделала глоток и вернула стаканчик на своё место. – Оказалось нет. С каждым следующим надругательством становилось всё противнее и противнее.

– Пугало бросил тебя?

– Нет, он просто сделал своё дело.

2004

Сегодня был банный день. Так его Пугало называл. Мыться каждый день – задача очень сложная, даже невыполнимая. Поэтому воды я касалась в лучшем случае раз в неделю. В холодное время года всё было ещё хуже.

Я подошла к окну и оперлась на подоконник. Прижалась щекой к прохладному стеклу и смотрела вдаль, туда, где красное солнце уже приближалось к зелёным лугам.

Ставни сняли давным-давно. Теперь я могла наслаждаться природой и всем тем, что было вокруг. Большой, заросший травой двор. Покосившийся забор и необъятное поле, желтевшее теперь полузакрывшимися одуванчиками. Наверное, сейчас май. Или начало июня. Я окончательно потеряла счёт дням...

Пугало сказал, что быстро вернётся. Поэтому я прислушивалась к малейшему шороху. Скоро шины привычно захрустят гравием. Хлопнет дверца автомобиля, и в воздухе появится противный, едкий запах сигарет. Удивительно, но здесь такие курил только он. Похоже, самые дешёвые.

Пока тишина. Зачем он, интересно, поехал? Что такого необходимого он забыл, что не побоялся опять оставить меня одну вечером.

С того случая прошло почти два года, и в мою комнату всё позабыли дорогу. Боялись Пугала. Я видела, на что он способен. Суровый, справедливый и жестокий. Я для него

была какой-то запретной игрушкой, куклой. Он обо мне заботился, защищал ото всех, оберегал. Вот и того почти пристрелил. Стонал и ругался он тогда долго.

Я обернулась и посмотрела на тёмное пятно на полу. Кровь впиталась в дерево, её было не отмыть, хотя Пугало старался. В комнате ещё долго пахло чем-то едким, непривычным. Так пятно и осталось живым напоминанием того, что не случилось.

Это потом я спрашивала его, зачем приходил этот мужчина. Несмотря на старательное и подробное объяснение, я так ничего и не поняла. Даже сейчас это для меня загадка.

Скрипнула калитка, и я радостно прижалась носом к окну. Почесав голову, попыталась распутать сбившиеся волосы. Пугало регулярно их подстригал мне, но нечастое мытьё хозяйственным мылом превращало всё в один сплошной колтун.

Входная дверь пронзительно задребезжала, приводя меня в состояние радости и непонятного предвкушения. То ли от перспективы помыться, то ли от самой встречи с Пугалом.

– Ну как ты тут, Малёк? – осипший голос мужчины заставил меня улыбнуться. Знакомое небритое лицо, ехидный взгляд карих глаз и шрамы, совершенно не пугавшие меня.

– Сойдёт. Скучно только, – я прыгнула с подоконника и поправила грязную футболку. – Куда ты ездил.

– Будешь много знать, скоро состаришься. Слышала такую поговорку?

– Угу. Ещё про Варвару.

– Ну, нос я тебе отрывать не буду. Мне совершенно не хочется портить твоё милое личико, – Пугало подошёл ко мне вплотную, и я невольно сжалась в комочек, когда его грубая рука вцепилась в железные оковы, ставшие уже родными. Он привычно щёлкнул замком, и с усмешкой смотрел на то, как я растираю своё запястье. – Пойдём, сегодня тебе нужно хорошо вымыться.

От удивления я осмелилась взглянуть ему прямо в глаза. Не было никакого страха быть наказанной. Хотя я вообще не уверена, что Пугало мог бы меня наказать.

Хорошо вымыться?

Я направилась за ним, неуверенно шлёпая босыми ногами по деревянному полу. Мы прошли в коридор, мимо кухни и ещё одной большой комнаты. Там было лежбище Пугала и других.

Вот и сейчас, проходя мимо продавленного дивана и раскладушки, я ловила на себе липкие, жадные взгляды. Они скользили по моему лицу, рукам, ногам. Инстинктивно прикрыв руками грудь, я опустила взгляд и поторопилась за Пугалом, едва не наступая ему на пятки.

Мы завернули в небольшой закуток, служивший своеобразной ванной. Здесь был старый пластиковый ручной мойник, небольшой таз и гнутая, цинковая ванна. Сейчас здесь стояло ещё два ведра горячей воды.

Вот это меня и удивило. Обычно та была чуть тёплой. Се-

годня же рядом с ванной на небольшой табуретке стояла целая батарея разных бутыльков. Два пушистых потрёпанных полотенца привели меня в дикий восторг.

– Это всё тебе, мойся, – Пугало подтолкнул меня к ванне, махнув рукой. – Вот это шампунь. Хорошо вымой им голову. Потом возьми вот это... – мужчина немного растерянно посмотрел на белую бутылку красным колпачком. – Короче, этим потом. И вообще, читать умеешь? Умеешь, значит, разберёшься. Я буду ждать рядом, за шторкой.

От всего этого богатства глаза разбегались. Сначала я вымыла голову, целых три раза с душистым, пахучим шампунем. Потом намазала волосы каким-то бальзамом и принялась усердно тереть тело жёсткой губкой, пока кожа не начала скрипеть. Постоянно принохиваясь к себе, я пыталась понять, пахнет ли от меня грязью или чем-то ещё. Нет, только чем-то вкусным и сладким.

Замотав голову полотенцем, я растиралась вторым до приятной, тёплой красноты.

– Я всё, – окликнула Пугало, продолжая промакивать кожу полотенцем.

– Отлично, – мужчина улыбнулся и отвёл взгляд, когда я отложила в сторону намокшее полотенце и взялась за чистую футболку. – Ты бы оделась, прежде чем меня звать.

– Почему ты мне помогаешь? – набравшись смелости, посмотрела ему прямо в глаза.

Пугало стянул с моей головы полотенце и заботливо

взъерошил влажные волосы. Его пальцы по-отечески щекотно прошлись по лбу, заставив улыбнуться.

– Нам нужно поговорить.

Не торопясь, одёргивая на себе футболку, я просто задала второй вопрос, мучивший меня очень давно.

– Ты же не бросишь меня?

– Нет, Малёк. Не брошу... – подмигнув мне, продолжил говорить хриплым шёпотом. – Если бы я мог хоть чем-то тебе помочь, ты бы не провела здесь ни минуты. А сейчас пойдём, у нас мало времени...

Наевшись до отвала, я оперлась спиной о стену и вытянула ноги. Пугало ушёл, но обещал скоро вернуться. Его слова о том, что нам нужно серьёзно поговорить очень напугали меня. Что-то скоро будет, только я об этом ещё не знаю.

Внутри проснулся противный хрустальный голосок, который своим тонким звоном твердил об опасности, о чём-то плохом.

Уже начинало темнеть. Отставив тарелку, я утёрла рот тыльной стороной ладони и призывно посмотрела на дверь. Сегодня был очень хороший день. Такой, какого, пожалуй, не было за все эти два года.

Задумчиво тряхнув рукой, и прислушавшись к лязганью цепи, подумала о том, что бы было, если бы...

Мама, ты слышишь? Что было, если бы ты не помогла отцу в первый раз? Что было, если бы отец не сделал эту

ужасную вещь? Что было бы, не отдай ты меня им? Что было бы...

Почему меня никто не нашёл?

Мама, возможно, сегодня у меня действительно самый лучший день. Ты даже не знаешь, какого это! Я знаю, ты слышишь меня. Чувствуешь, как мне плохо. Пожалуйста, найди меня! Пусть прошло столько времени, но я до сих пор верю в тебя!

Дверная ручка тихо щёлкнула, и я, встрепенувшись, сбросила с себя дремоту и посмотрела на вошедшего. Пугало. Лицо у него было какое-то странное, непривычное. Словно он что-то прятал от меня под неумелой маской равнодушия.

Судорожно сглотнув вязкую слюну, я облизала вмиг пересохшие губы и попыталась улыбнуться. Но вместо привычного ответа и живого отклика в его глазах, увидела лишь пустоту.

Пугало нервно прошёлся рукой по своей бритой голове и отвёл взгляд.

Я тяжело выдохнула и подобрала ноги, упёршись подбородком в свои колени. Успокаивающе теребила край матраса и ждала, пока Пугало подойдёт ко мне.

Но вместо этого он направился к кольцу в полу, к которому крепилась моя цепь. Провозившись с ключом, наконец, сбросил карабин и, наматывая позвякивающие звенья себе на руку, подошёл ко мне. Осторожно взял моё запястье и повернул его замком к себе. Мгновение, и я свободна.

Всё ещё не веря в происходящее, тёрла руку и смотрела на ненавистные оковы.

Неужели...

Он отпустит меня? Всё закончилось, да?

– Ты... отпускаешь меня? – мои слова прозвучали слишком громко, потому что Пугало, услышав их, болезненно дёрнулся и криво ухмыльнулся мне, окончательно смотав цепь.

– Нет. Хочу, чтобы ты отдохнула и провела эти последние дни... лучше, чем предыдущие.

Бросив взгляд на окно, я вновь посмотрела на Пугало и увидела, что он улыбнулся ещё шире. Но улыбка была совсем недоброй. Испуганно сжавшись, я укуталась в тонкое одеяло и закрыла глаза.

– Ставни затворят. Сбежать не получится.

– Тогда зачем?

В нос ударил крепкий запах табака. Противные, тонкие сладковатые нотки вызывали тошноту. Опять пил. Только сегодня он совсем нерадостный. Обычно выпивка делала его добрее и радушнее. Но не сейчас.

– Через пару дней сюда приедут несколько людей. Покупатели...

– Покупатели?

– Да.

– Об этом ты хотел поговорить?

– Нет, – Пугало поджал губы и сел рядом со мной. Как он

любил говорить: в ногах правды нет. – Не только. Только вот не знаю, стоит ли.

– Ну, я уже не маленькая. Наверное, пойму, – подняла голову и устало посмотрела на руки мужчины, нервно сжимавшие пустую пачку из-под сигарет. Хруст твёрдого картона раздражал меня.

– Я думал, как сказать это тебе помягче. Ничего в голову не пришло, поэтому скажу как есть. А ты слушай меня и не перебивай, поняла?

Мой кивок немного успокоил его.

– Папка твой долг не покрыл. И он, как я тебе и сказал, теперь твой. С набежавшими процентами. Ты всего лишь была гарантией. А теперь, считай, стала вкладом. И *он* выжмет из тебя всё.

Пугало замолчал, безотрывно смотря в одну точку

– Кто *он*?

– Тот, на кого я работаю. Он знает, что ты принесёшь ему много денег. Очень много. И терпения у него почти не осталось. Мой босс не любит ждать. Я и так тянул слишком долго. Даже не знаю, почему он поверил мне.

Очередная пауза вынудила меня задать новый вопрос:

– А что ты ему сказал?

– Что ты принесёшь больше денег, если чуть повзрослеешь.

Я поджала пальцы ног, рассматривая след от цепи на своей руке.

– Если бы тебя продали слишком маленькой, то сейчас ты бы была уже мертва. Не протянула бы слишком долго. Не выдержала. Да и сейчас не выдержишь. Но ты правильно сказала: ты больше не маленькая, – посмотрев на меня, Пугало словно прочитал в моих глазах немой вопрос. – Помнишь тот день, когда здесь появилось это пятно?

Я со страхом взглянула на затёртые остатки крови. Тёмные разводы, которые каждый раз напоминали мне о том ужасном и мерзком событии. Вместе с этим я всегда вспоминала фразу Пугало о товаре.

– Да, помню. Как и твои слова, что товар портить нельзя.

– Я сказал правду. Твоя невинность самое ценное, что есть у тебя. За неё ты можешь получить много, очень много денег. А значит, быстрее закроешь долг. Я даже не могу представить, как долго ты будешь отрабатывать его.

– И как я буду отрабатывать долг?

Пугало выдохнул и промолчал.

– Ты мне нравишься по-другому, не так, как женщины. Напоминаешь мне кое-кого... Я просто не хотел, чтобы тебе сделали больно. Очень не хотел. Мне это не нравится.

– Угу... – эти слова почему-то меня сильно разозлили. Я рассерженно выдохнула и, не подумав, продолжила. – Ты просто убиваешь людей. Стреляешь в них.

– Всё верно, Малёк. Я стреляю в людей. И это даётся мне очень легко. Знаешь, почему? – Пугало недобро посмотрел на меня. – Потому что это быстро и безболезненно. Иногда

милосерднее убить, чем оставить в живых.

– Почему тогда не убил меня? Если это лучше.

– Потому что тогда твой долг перешёл бы твой семье. Ты помнишь о них? О брате, сестре, маме.

– Какая разница, если они забыли обо мне, если я никому не нужна.

Тяжёлая рука легла мне на плечо, отчего я буквально просела вниз, едва не разревевшись от напряжения и безысходности.

– Тебя бы никто здесь не нашёл. Ты сейчас очень далеко от дома. Очень далеко... – Пугало успокаивающе сжал свою ладонь, но это мало помогло. – А ещё я старый сентиментальный дурак. Смотрю на тебя и вижу... её.

– Кого?

– Её...

Наверное, Пугало слишком много выпил сегодня.

– После тебя я уйду.

– Куда? – я испуганно выпалила вопрос, посмотрев на мужчину, расплывшегося в улыбке.

– С этой чёртовой работы. Хватит...

– Значит, бросишь меня?

– Нет. Помогу, чем можно и попрощаюсь с тобой навсегда. Надеюсь, что мы больше с тобой никогда не увидимся. Очень не хочу тебя убивать.

Мы долго молчали. Очень долго. Луна светила в окно. Её бледные, тонкие лучи медленно подбирались к моим ногам.

Я всё думала над тем, что он мне сейчас сказал. Я так привыкла ко всему, к этому скучному, однообразному плену. К Пугалу, к нашим разговорам. И теперь мне очень страшно.

– Зачем ты мне всё это рассказал?

– Хочу, чтобы ты выжила. Не сломалась. Чтобы у тебя всё в итоге было хорошо.

Старый, сентиментальный дурак.

– В эту комнату будут заходить разные люди: молодые и старые, мужчины и женщины. Одни будут ласковыми, другие грубыми. Кто-то будет заигрывать, а кто-то угрожать. Но тебе нужен будет француз.

– Француз?

– Да. Он будет смешно картавить и растягивать букву «р». Ты должна ему очень понравиться. Он любит миленьких и послушных. Он – твой единственный вариант. Ты поняла?

– Да.

– Точно? – Пугало больно сжал моё плечо, я поморщилась, но сдержалась.

– Да.

– Вот и умничка. Ложись спать. Скоро у тебя начнётся новая жизнь.

...ИДЁМ ДОРОГОЙ ТРУДНОЙ...

Буря так и не утихла. Но мягкая ладонь Пугала вселяла в меня такую уверенность, что я без страха смотрела назад. Тёмные, практически чёрные вихри воздуха стирали всё на

своём пути. Не было больше зелёной, сочной травы, высоких, стройных деревьев. Не было знакомых жёлтых кирпичей. Ураган жадно пожирал всё, что оставалось там, позади нас. Пути обратно не было.

– А что там, в том замке? Зачем мне туда идти?

– Туда... идут... всё... путники... дороги...

– Ты был там?

– Нет... Я... не... путник...

– Кто же ты тогда?

– Не... знаю...

Впереди пока виднелись солнце и голубые разводы неба. Впереди ещё жила надежда, что в замке будет что-то хорошее. Должно же быть там что-то хорошее.

Пугало уверенно ковылял вперёд, чуть ли не волоча меня за собой. Тёмная жижга почти перестала стекать с его рук. Пусть моя кожа благодарно её впитывала, но это меня немного пугало. Почему она разъела металл, а моё тело не трогало?

– Что это? Что это за мерзкая дрянь? – я брезгливо посмотрела на эту чёрную гадость и передёрнулась.

– То... что... оберегает...

Оберегает?

– От чего?

– Потом... узнаешь... – Пугало повернул ко мне свою голову, и пламя его свечей показалось мне слишком ярким.

Дорога убежала вверх, на большой холм. На него мы взо-

брались с трудом. Ноги Пугало совершенно не сгибались. Мне пришлось буквально волоком тащить его за собой. Я цеплялась за его деревянный остов, за дряхлое, обветшалое пальто и тянула на себя. Он держался за меня своими мягкими, непослушными ладонями. Черепки его лица блестели в лучах заходящего солнца. Прошёл очередной день. Как и десятки, сотни других. Дорога казалась мне бесконечной.

Устало выдохнув, уже почти на самой вершине холма, я обошла Пугало и стала подталкивать его в спину. Но его ноги в стоптанных бабшамаках только скользили по кирпичу.

– Оставь... меня...

– Ну уж нет! Ты сам сказал, что нужен мне! – мои туфельки противно скрипели о жёлтый кирпич. Прикусив нижнюю губу, я толкала Пугало вперёд. На вид он казался таким лёгким, а на деле – будто каменная глыба.

– Оставь...

Буря подбиралась к нам всё ближе и ближе. Чуть ли не рыдая, я с невероятной злостью толкнула Пугало, и он, словно пушинка, чудесным образом преодолел холм. Стоя на самой его вершине, я отдувалась как после бега. А Пугало смотрел вперёд. Он поднял свою руку, обращая моё внимание на что-то странное: яркое зеленоватое сияние. Даже отсюда было видно хрустальную крышу дворца. Выглядела она именно так. А на самой вершине был сверкающий изумруд невероятных размеров.

Вот он, таинственный дворец.

Вниз мы спустились гораздо быстрее. Теперь наш шаг стал бодрее и веселее.

– Что ты делал на кладбище?

– Ждал...

– Чего?

– Тебя...

– Меня? – я удивлённо переспросила, вспомнив о сгоревшей деревне. – Ты... из той сгоревшей деревушки? Разве ты не должен охранять поле?

– Я... охраняю... мёртвых...

– Значит, я тоже мертва? Раз ты со мной?

– Нет... Даже... моя... боль... не... убила... тебя...

Я бросила взгляд на эту темнеющую жижу. Вот что это такое. Боль. Почему я тогда её не чувствую?

– Ты был человеком?

– Давно...

– Почему я? Разве не было кого-то другого, кто мог бы тебе помочь? Неужели я первая?

– Да... за... много... лет...

– Никто не находил тебя?

– Никто... не... выживал...

Мы подошли почти вплотную к дверям дворцы. Сжимая мягкую ладонь, я заметила, что теперь руки Пугала чисты. Нет больше этой дряни.

Он аккуратно взялся за тяжёлое металлическое кольцо, торчавшее из пасти льва. Раз. Два. Три.

Ничего не произошло, а буря уже вплотную подбиралась к нам. Если нам не откроют, то мы можем пропасть в этом страшном водовороте.

Дверь с противным лязгом и скрипом открылась, приглашая нас внутрь.

– Иди...

– А ты?

– Мне... нельзя...

– Но...

– Иди... – Пугало подтолкнул меня вперёд.

Я печально посмотрела на его черепичное лицо, на яростно горящий огонь огарков и не смогла сдержаться. Бросилась к Пугалу и крепко обняла его.

– Спасибо тебе!

Я зашла в тёмный холл. Дверь закрывалась слишком медленно, давая мне возможность с грустью наблюдать, как жёсткие, смертельные порывы ветра уничтожали Пугало. Солома разлетелась первой, дряхлая одежда почти мгновенно превратилась в пыль. Черепки лица просто осыпались на жёлтый кирпич. Последними потухли огарки. От них совсем ничего не осталось.

Дверь со стуком закрылась, и я замерла в оцепенении. Тьма холла и не думала отступить.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь?

МАРТ 2019

Лиля уже допила свой кофе, а мы всё не торопились уезжать с заправки. Я почесала щёку и закрыла глаза.

– Значит, план Пугало удался? Раз ты попала к французу.

– Угу. Я из кожи вон вылезла, чтобы сделать это. Просто повезло, что я смогла понравиться ему. Страшно подумать, кем были другие. Если тот ад, в который я попала, был самым лучшим вариантом.

– Ты больше его не видела?

– Кого? – Лилия завела машину и нервно заёрзала на сидении. – Пугало?

– Да.

– Нет, не видела. Как видишь, я жива.

– Серьёзно? – я усмехнулась, не собираясь открывать глаза. В темноте было лучше. Мне совсем не хотелось смотреть на Лилию и видеть её реакцию. – Он бы ни за что не убил бы тебя.

– Не видела и не слышала. Надеюсь, что он вернулся к той, кого я ему напоминала. К той, которую он любил.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ОТ 03.02.2005

N-ская область. Вчера в 18.20 в деревне Гришкино NN-ского района на территории заброшенного дачного участка в траншее под фундамент с тремя огнестрельными ранениями головы и тела обнаружен труп сорокапятилетнего мужчины. Проводится расследование.

Пугало

27.10.1959 – 01.02.2005

Глава пятая

МАРТ 2019

Шоссе убежало вперёд тёмной, матовой лентой. В отличие от других дорог, трассу хорошо чистили. Она ещё не успела подмёрзнуть, поэтому ледяного глянца на ней не было.

Я, кажется, задремала. Мы ехали куда-то очень далеко. Потому что Лиля заполнила на заправке бак целиком, а сейчас стрелка уже сдвинулась почти на четверть.

– Сколько я спала? – сонно зевнув, потянулась и посмотрела на уставшую девушку.

– Достаточно. Я уже собиралась тебя будить.

– Зачем? – плотнее запахнув куртку, я нахохлилась, бездумно пялясь на дорогу. – Мы что, уже приехали?

– Нет. Ехать нам ещё чуть больше часа. Просто скучно...

– М-м-м... Ты хочешь продолжить?

– Да. Мне это нравится.

Я лишь кивнула и закрыла глаза.

А мне вот это совсем не нравится. Более мерзкого ощущения трудно себе представить.

– Значит, ты попала к французу?

– Да.

– Предположения Пугало о... ну... ты поняла, о чём я. Они оправдались? Это помогло тебе?

– Да. Я покрыла своей девственностью почти десятую часть долга. Покупатель попался нежадный. Ему так понравилось со мной, что он докинул сверху.

Внутри всё свернулось тугим комком. Не выдержав, опустила стекло и с наслаждением глотнула морозного воздуха. Он щипал моё лицо, глаза начали слезиться. Даже очки не помогли.

Серёга, ты скотина! Гадкий мерзويد, которому я при встрече первым делом съезжу по морде лица!

– Ты помнишь, как это было? – я задала самый глупый вопрос из всех возможных.

– Помню... Каждую деталь. Я помню всё и всех. Не помню имён, но помню лица, помню запахи. Стоит остаться одной и закрыть глаза, как тут же я попадаю в тот кошмар, – Лиля судорожно выдохнула и, крепче сжав руль, продолжила. – Когда десятки перерастают в сотню, начинаешь относиться к этому всему... проще.

Я вдруг представила себе Лилю, как пустую физическую оболочку. Её убили давным-давно. Сейчас передо мной сидит призрак, жалкое подобие человека. Это горящее тело.

Есть ли у него душа?

– Ты не пыталась сбежать.

– Пыталась. И не раз. Но знаешь, что они делают с такими непокорными? – глаза Лили недобро блеснули.

– Бьют? – я просто предположила, пожав плечами. – Не знаю.

– Нас никогда не били. По крайней мере, меня. В этом плане всё было замечательно, и за это спасибо Пугалу. Попади я в третьесортный бордель или на трассу, то уж точно не разговаривала бы с тобой, – Лиля перевела дыхание и облизнула губы. – Нет. Зачем портить товар? Кто захочет меня, если под глазом у меня будет бланш? Нет. Они делали совершенно другое. Сажали на наркоту. И тогда тебя просто почти буквально проворачивали через мясорубку. Без отдыха, без перерыва выдаивали всё, выжимали всё до последней капли, пока человек не превращался в конченное существо, больше напоминающее кусок мяса. Я... я видела это своими глазами. Когда девушка за дозу готова была сама отрезать себе пальцы.

Я сдержала рвотный позыв и прикрыла рот рукой.

– Они ломали психологически. У них было миллион способов удержать человека на месте.

– Что удерживало тебя?

– Сестра. Они, конечно, могли забрать её и так. Но... Время шло, а угроза так и оставалась угрозой. Желания проверить это у меня не было. Я верила, что они способны на это. А ещё... желание выжить. Я почему-то до последнего верила, что вырваться из этого ада возможно. – Лиля горько усмехнулась. – На самом деле вера и надежда – самые чудовищные и мерзкие чувства.

– Почему?

– Они не дают сделать тебе решительный шаг. И ты сам

же продлеваешь свои страдания. Я провела у француза почти четыре года. Представляешь? Если выражаться человеческим языком, то там через два года уходят на пенсию.

– На пенсию?

– Угу. Вперёд ногами.

– Почему ты так долго продержалась? – я внимательно посмотрела на Лилю. Она не выглядела бой-бабой или кремнём. Да и не скажешь, что у неё был такой стальной стержень. Я бы даже сказала, что она очень мягкая. Пусть воли и решительности, смелости ей не занимать.

– Цель и... боль.

– Боль? – я непонимающе переспросила, желая понять, что она имеет ввиду.

– Боль.

Лиля замолкла, и несколько минут мы ехали в полной тишине.

– Как это?

– Что?

– Как боль может помочь? Честно, я не понимаю.

Неожиданно Лиля вытащила тонкую, зубчатую заколку из волос и со всей силы ткнула её в мою ладонь.

Заорав от боли, я дёрнулась и чуть не ударила девушку в ответ. На руке выступила достаточно большая капля крови. Ранка получилась немаленькая.

– Ты что творишь?

– Ничего. Ты просто почувствовала сейчас боль. Так?

– Так! Я не бесчувственный чурбан! Ещё ты показала, что кровь во мне ещё есть. Что, несомненно, радует. Но тыкать этой фигнёй меня больше не надо! Я не тупая и так бы поняла.

– Вот теперь ответь мне, что ты чувствуешь ещё? Кроме боли.

Слизнув кровь с руки, я прислушалась к себе. Ничего. Со всем ничего. И этого поразило меня до глубины души.

– Нет больше страха, нет голода, нет усталости. Ты взбодрилась и обозлилась. Предельная концентрация. Ты думаешь только об этой небольшой царапине. В данный момент для тебя больше ничего не существует. Ты забыла, что я похитила тебя. Ты забыла о Сергее. Забыла обо всём. Всё твоё сознание свелось только к этой маленькой царапине. Ведь так?

– Да, – я хрипло ответила ей, всё ещё не веря в происходящее.

– Я это заметила совершенно случайно. Когда клиент попался несдержанный.

– Ты же говорила, что вас не били.

– Француз и его люди – да, клиенты – нет. За порчу товара они доплачивали. Некоторые готовы были заплатить в десять раз больше, лишь бы поразвлечься на славу, – Лиля брезгливо передёрнулась. – В доме Лилий были и свободные девушки, те, что просто зарабатывали таким образом. Они имели ряд привилегий. Например, отказать клиенту. Тогда

он выбирал из таких, как я. Спустя два года из невольных осталась только я и Жанна. Но она была опытной, зрелой женщиной. Француз её берёт. Тогда под раздачу попадала я. С одной стороны, это было хорошо, быстрее выплачивался долг, с другой... Раз за разом я проходила круги ада. Они ведь не за обычным сексом приходили. Был один, который обожал кусаться. Француз его очень не любил: один раз этот клиент откусил девушке мочку уха в порыве страсти. Он, конечно, всё компенсировал. Но факт остаётся фактом. У него были деньги. Много денег. И он готов был заплатить практически любую сумму. Вот француз и подсунул ему меня.

– Ты не знала, что он такой?

– Нет. На тот момент не знала. Я даже предположить не могла... Когда он привязывал меня к кровати, я спокойно отнеслась к этому. Привычная вещь. А вот когда он укусил меня... Этому извращенцу мало было кусать, ему нравились крики. Но изображать боль и страдания было бесполезно. Он мигом чувствовал любую фальшь и сразу приходил в состояние бешенства. Вот тогда-то я и почувствовала это в первый раз. Пожалуй, самое прекрасное чувство за все годы. Когда у тебя есть силы и возможность забыться. Когда после всего этого меня оставили в покое на целых три дня. Представляешь? Когда обо мне начинали хоть как-то заботиться, и моё пребывание в том проклятом доме становилось более человеческим. Эта связь закрепилась почти мгновенно: боль – отдых. Именно после таких клиентов обо мне воспомина-

ли по-настоящему. И это касалось всего: еды, лекарств, сна. Очень быстро я начала сама проситься к таким клиентам. Постепенно я дошла до того состояния, когда мне начало казаться нормальным, когда боль становится проявлением любви и заботы. Если бы я тогда знала, на какой скользкий и опасный путь становлюсь, как это изменит меня, то, может, и задумалась бы. Но тогда это казалось мне единственным спасением.

Я чувствовала, как дрожат мои руки. Я засунула их в карманы куртки и искоса посмотрела на Лию. Та казалась совершенно невозмутимой. Она спокойно вела машину. Складывалось такое впечатление, что она мне рецепт пирожков рассказывает.

– Боль быстро стала моим наркотиком. Я не могла без неё. Дошло до того, что если не было таких клиентов, я сама... травмировала себя. Вот тут я крепко подсела на всё это. Потому что поняла, что таким образом, могу выплеснуть всё то, что копилось внутри меня. Ненависть, злобу, презрение. Это было похоже на то странное чувство метания. Когда ты понимаешь, что делаешь плохо и всё равно делаешь. Не можешь остановиться.

– Тебя не наказывали за это? Неужели никто не видел, что ты делаешь?

– Нет. Я старалась делать это тогда, когда меня никто не видит. Мне удалось спрятать шпильку для волос. Я заточила её концы и просто... протыкала свою кожу. Два маленьких

пятнышка. Кто из заметит? Тем более что заживали они достаточно быстро.

– Прости, но это... ненормально.

– Я знаю. И тебе не за что извиняться.

– Нет, есть за что. Я тебя только что обвинила.

Лиля сбавила скорость и задумчиво смотрела на дорогу.

Она говорила такие ужасные вещи совершенно спокойно. Как будто... ничего и не было. Как так можно? У неё в глазах не было и слезинки. Ей совершенно себя не жаль? Она до такой степени ненавидит саму себя? Но за что? Разве была хоть капля её вины во всём произошедшем?

– Человек в таких ситуациях часто теряет свой облик, превращается в животного. Это был способ выжить и не сойти с ума. Это лучше алкоголя и наркотиков, лучше самоубийства.

– Но ты не животное...

– Я хуже, – Лиля усмехнулась и прибавила газу. – Мне всё равно. Я стала равнодушной. Я недочеловек.

– Неправда! – мой тихий восклик её удивил. – Неправда. Иначе ты бы отнеслась ко мне по-другому. Не сняла наручники, например. Тогда ты бы не пыталась спасти того мужчину. Того, ради кого ты всё это затеяла. Так что тебе не всё равно.

Лиля с благодарностью посмотрела на меня. В её каре-зелёных глазах я заметила большое облегчение.

– Может быть. Но теперь я со спокойствием и невозмутимостью отношусь ко всем этим ужасам. Они мне кажутся ка-

кими-то... обычными. Как будто так и должно быть. Когда одна из девушек впервые вскрыла себе вены, я долго плакала и не могла спать. Я так сильно переживала за неё. Она истекала кровью и никто не мог остановить это. Наш врач не сумел её спасти. Это был второй раз, когда я столкнулась со смертью. Когда Пугало застрелил Джека, я это восприняла как-то... странно, будто всё понарошку. Не по-настоящему. Смерть Марины стала для меня серьёзным потрясением. Вот она делится со мной шоколадкой, тайком ото всех, и вот её вытаскивают из ванны. Голую, мокрую, истекающую кровью. И в её глазах я не вижу жизни, не вижу блеска... В тот вечер я исполосовала своё бедро, в попытке справиться со всем этим. С такой силой втыкала шпильку, что просто сломала её, – Лиля глухо откашлялась и попросила меня достать бутылку воды из бардачка. Сделав пару глотков, она продолжила. – Спустя полгода Женя выбросилась из окна. Она пыталась сбежать от клиента и просто с разбегу выпрыгнула почти с третьего этажа. Я наблюдала за тем, как она лежит на земле и кричит от боли. Как дёргано ходит вокруг неё француз и выясняет отношения с сутенёром Жени... Её добились только через полчаса. Один выстрел и тишина. А я лежала на кровати, совершенно спокойная и равнодушная. Будто и не случилось ничего.

– Пожалуйста, остановись, – я с такой силой вцепилась в ручку, что готова была открыть дверь прямо сейчас и выброситься на дорогу на полном ходу.

Когда Лиля притормозила у обочины, я выскочила из автомобиля и бегом направилась вниз по откосу, туда, где были низкие деревья и густой кустарник. Проваливаясь почти по колено в грязном снегу, я схватилась за первое дерево и буквально согнулась пополам. Меня выворачивало. Желудок горел огнём, когда я в очередной раз гулко кашляла.

Громко рыдая, я жалась к дереву, ничего не понимая.

Что, твою мать, происходит?

Что происходит со мной?

Я вышла к машине спустя почти двадцать минут. Меня не хило колотило. зуб на зуб не попадал. Лиля сидела на багажнике, мерно качая ногами. Она смотрела на звёздное небо, сжимая в руках бутылку с водой. Сейчас она выглядела как большой ребёнок.

– Держи, станет легче.

Сделав пару глотков, я решилась задать вопрос:

– Зачем ты мне всё это рассказываешь? Зачем так подробно, в таких красках? Зачем? – я плеснула себе воды на руку и умылась. – Какая в этом необходимость?

Лиля спрыгнула с багажника и подошла ко мне. Она смотрела прямо в глаза, я цепенела от этого прямого, честного и открытого взгляда.

– Потому что Сергей тебе верит. Но не верит мне. Ты единственная, кто может убедить его в обратном. Он прислушается к тебе. Поэтому тебе придётся выслушать меня до конца, – Лиля сделала шаг назад и улыбнулась. – А ещё мне

становится гораздо легче. Ты ведь не психолог. Ты не ищешь причины в моём прошлом, не обвиняешь меня во всём, что происходило. Ты не делаешь мне больно. Просто слушаешь меня... Похоже, мне этого очень не хватало.

Я сделала очередной глоток. Озноб не проходил. Со страхом смотря на Лилю, молилась только о том, чтобы Серёга нашёл меня как можно быстрее.

Трасса резко скакнула вперёд, в то время как мы свернули влево. Обычная дорога на две полосы терялась в густом лесу. Теперь мы уходили прочь от жилых мест и лишних глаз. Стоило только съехать с шоссе, как потерялись все другие машины. Мы остались одни.

Я всё ещё часто и мелко дышала ртом, когда Лиля решилась задать вопрос:

– Ты как?

– Сойдёт... – я старалась не дышать носом, потому что резкий запах бензина стал меня преследовать повсюду, вызывая мерзкие и липкие приступы тошноты. – Ты всё в таком духе рассказывать будешь?

– Нет... – Лиля всматривалась в дорогу, то и дело пригибаясь и ища что-то по бокам. – На самом деле этим бы всё и ограничилось. Бессмысленно рассказывать про дни, похожие друг на друга как две капли воды. Один сменялся другим и ничего не менялось. Но так случилось, уж не знаю, по воле бога или дьявола, что в моей жизни практически одно-

временно появились трое человек, которые изменили всё.

Я машинально кивнула, прислушиваясь к своему животу: просить Лилю остановиться или можно ещё потерпеть?

– Даже не знаю, с кого бы не начать. Сложно понять, кого нужно выбрать первым...

– А что они такого сделали?

Лиля хмыкнула и пожала плечами. Задумчиво облизала губы и неторопливо ответила, плавно растягивая слова:

– Каждый из них сделал для меня что-то... хорошее. Если это так можно назвать. Первый доказал, что моя душа ещё не очерствела, и я могу вполне искренне сочувствовать и сопереживать. Второй заставил биться сердце, дал мне возможность... любить. Но тут я сомневаюсь: хорошо это или плохо? Третий сделал немыслимое: открыл для меня мир иной боли. Тогда это было мне нужно. Сейчас же это как яд, вся я разрушаюсь, превращаюсь в гниль от этого и ничего не могу поделать.

– Тогда начни с того, кто сделал для тебя самое важное, самое главное.

– Хм... – Лиля ненадолго задумалась, словно перебирала варианты. – Тогда, пожалуй, я начну с Волшебника. С него всё началось...

2008

Холодная женская ладонь шутливо прошлась по моей голени, так опрометчиво высунувшейся из-под одеяла. Я дёр-

нула ногой и сильнее замоталась в него, не желая разговаривать с Жанной. В том, что это она, я не сомневалась.

– Вставай давай!

– Не хочу... Отстань! Дай поспать... – я лениво потянулась к часам, стоящим на тумбочке, и со стоном выдохнула. половина седьмого утра. – Убью! Ты время видела?

Жанна кокетливо сдёрнула одеяло и перевернула меня на живот. Я со злостью вглядывалась в миловидное лицо в обрамлении мелких чёрных кудрей. Глаза у женщины были будто паволокой затянуты: тёмно-серые, мутные. Значит, опять с ним развлекалась.

– Подъём, Лилёк! Тебя Дами хочет видеть.

– Теряешь хватку, раз после ночи с тобой в такую рань он зовёт меня.

– Острячка! – чувствительный шлепок заставил меня вздрогнуть. Край ночной рубашки сполз с бедра. Я испуганно поправила хлопковую ткань, но было уже поздно: Жанна заметила. Её глаза опасно сузились, когда она прошипела мне в лицо: – Опять балуешься? Говорила тебе, что хватит. Если кто заметит, влетит всем! Что же ты за дура такая?

– Тебе какая разница? Тебя всё равно это не коснётся. Ты же у нас особенная...

Я лениво села в кровати и прошлась рукой по распущенным волосам. Пригладив их, зевнула и посмотрела на Жанну, готовую рвать и метать.

– Чего он хочет?

– А я знаю? – она плюхнулась на соседнюю кровать и скинула туфли, пихнув их ногой в сторону тумбочки. – Нас звонок разбудил, мы только угомонились. Так что ты это, шевелись, он сейчас не в лучшем настроении.

Брезгливо поджимая губы, я отвернулась от Жанны и встала с кровати, направившись к шкафу за халатом.

Запах алкоголя и чего-то грязного, резкого выводил меня из себя. Меня просто раздражало поведение Жанны. Я не понимала, как так можно? Как можно любить и лебезить перед... ним?

Я бросила осторожный взгляд на пьяную женщину и с завистью отметила, что у неё-то руки, в отличие от меня, чистые. Ей не стали делать это клеймо. Что ж, может, я просто путаю любовь с благодарностью?

Обойдя кровать Жанны, наклонилась к своей и достала тапочки. Запахнув халат, поправила волосы и вышла из комнаты. Длинная галерея с резными перилами заканчивалась крутой лестницей. Всё ещё спали, и только я нарушала покой дома. Пройдя мимо четырёх комнат, в которых жили такие же «счастливицы», как и я, у самой лестницы наткнулась на злого и взъерошенного Эда. Увидев меня, он сунул пистолет в наплечную кобуру и лениво буркнул:

– Здоров.

– И тебе не хворать, – сдерживая зеवоту, смотрела на него сонным взглядом. – Я к Дамиану. Он ждёт.

Мужчина шмыгнул носом и недоверчиво взялся за рацию.

Но потом передумал и просто отошёл в сторону, пропуская меня вниз.

Кабинет нашего управляющего был почти у самого входа. Так что я не совсем понимала поведения Эда. Кроме него тут вполне хватает и других мордovorотов. Никуда я не денусь. Особенно если на мне тонкий халат и тапочки, а на улице – самая настоящая зима.

Я ненадолго остановилась у белоснежной двери, ведущей в кабинет и тяжело выдохнула. Мой стук показался просто раскатистым громом в этой утренней тишине.

– Входи.

Да уж, значит, ждёт. Мой внешний вид вызвал у мужчины недовольное цоканье. И мне даже было почти всё равно. Жанна же сказала, что это срочно. Надеюсь, моя наглость сойдёт мне с рук.

– Садись.

У Дамиана было просто отвратное настроение. Это хорошо читалось по гневному, сонному взгляду. По взъерошенным волосам: впервые не было привычного лоска и кокетливой укладки. Расстёгнутая мятая, несвежая рубашка не скрывала волосатой мужской груди. Прижимая запотевший стакан с холодной водой к своему лбу, мужчина кривился, как от зубной боли. Дамиан смотрел то на меня, то на пустовавший стул.

Я, шурша халатом, села напротив стола и опустила взгляд.
– Сейчас привезут новенькую. Покажи ей что и как.

– Почему я, а не Жанна?

– Потому что я так сказал, – рассерженный возглас заставил меня покраснеть. Видимо, мой вопрос прозвучал слишком дерзко.

– Хорошо.

Он позвал меня ради этого? Сказать, чтобы я взяла под свою опеку новенькую?

– Через два дня привезут ещё двоих. Так что теперь у них ты будешь старшей.

Я нервно стиснула ткань халата и решилась посмотреть на мужчину. Вот уж повезло. И что мне теперь делать? Я сама с собой не могу справиться. Чему я могу их научить? Слезы так и напрашивались, но мне удавалось сдерживаться.

– Скажи Жанне, чтобы перебралась во вторую комнату. Ты с девочками будешь в пятой.

Мне почти стало завидно. Жанна будет жить со «свободными». У неё нет того позорного клейма, у неё совершенно другие права. У неё всё другое. Теперь вот и жизнь станет чуточку лучше. Да... Ради этого можно было пойти на многое.

– Теперь можешь проваливать.

Я кивнула и встала со стула.

– И приведи себя в порядок. У нас скоро будут гости.

При этих словах Дамиан так напрягся, что мне даже стало страшно. Что же это за гости, которые вызывают у него такой страх и отвращение?

Я заправляла кровати, когда открылась дверь, и в комнату буквально втолкнули истерично рыдающую девушку. Она споткнулась и с тонким криком упала на пол. Эд кинул сумку прямо на девушку и рывком закрыл дверь.

Да. Иногда у нашего Эдуарда манеры как у гориллы. Хотя, чему удивляться? Мы для него пустое место. И не только для него. Для кого-то шлюхи и проститутки, для кого-то отребье. А на самом деле просто тени, иногда самих себя.

Я гневно посмотрела на закрывшуюся дверь и поспешила к новенькой.

– Вставай и не плачь, – я цеплялась за скользкую куртку девушки, с трудом поднимая её с пола.

Пухленькая блондинка просто с белоснежной кожей. Её лицо уже покраснело, голубые глаза скорее напоминали глаза затравленного кролика. Она глухо рыдала, жалея израненную руку. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, почему тыльная сторона её правой ладони прикрыта куском белой одноразовой пелёнки. Там клеймо. Чёрная лилия.

Девушка хваталась за мои руки и совершенно не хотела вставать.

– Лучше сядь на кровать и успокойся. У нас не так много времени. Я не сделаю тебе ничего плохого, поверь.

Но та лишь продолжала лить слёзы, уткнувшись мне в грудь. От девушки пахло чем-то вкусным и сладким. От неё пахло детством, конфетами. Я осторожно дотронулась до её

волос, они были очень жёсткими и грубыми. Такими они становятся после краски.

– Послушай. Тебе нужно умыться и переодеться. Время идёт. Если ты так продолжишь, то Дамиан рассердится. И нам обоим будет плохо. Слышишь? – я коснулась её лица и заставила посмотреть на меня. – Как тебя зовут?

– Аня.

– Хорошо, Аня. А меня Лиля. Теперь пойдём в ванну.

Мне вдруг стало очень жалко эту девушку. Я бы очень хотела, чтобы и со мной так обходились. Когда я сюда попала четыре года назад, меня встретили насмешками и тычками. Мелкая сопля, которая вдруг очень понравилась Дамиану. Конкурентка. Вот кого они видели. А я была маленькой напуганной девочкой, которой нужна была помощь. Может, хоть Ане сейчас станет лучше.

– Пойдём, ну же.

Небольшая ванная успокаивала кремовыми тонами. Я помогла Ане раздеться. Пока набегала тёплая вода, я осторожно осмотрела девушку: вдруг у неё были какие-то раны. Но нет, болела, похоже, только рука.

– Ты знаешь, что её нельзя мочить? – мой вопрос удивил Аню. Успокоившись, она взглянула на мою руку и обречённо посмотрела прямо мне в глаза. Да, я такая же, как и ты. – Просто держи её на весу, а я помогу.

Аня мылась недолго. Было видно, что попала в лапы этих ублюдков не так давно. У неё ещё была та домашняя холё-

ность.

– Сколько тебе?

– Девятнадцать.

– Я думала, ты младше. А ты даже старше меня на год, – испуганное лицо Ани рассмешило меня. – Тебе повезло, что ты такая... взрослая.

– Ты... ты здесь давно? – вода стекала по пересушенным волосам Ани прямо ей на лицо, отчего та напоминала куклу.

– Не знаю. Наверное, давно. Я не считала.

– Значит... мне лучше послушать тебя?

– Для истерички у тебя хороший настрой.

– Спасибо.

Время уже поджимало, когда Аня, наконец, вылезла из ванны. Я уже успела накраситься и переодеться. Обычное чёрное короткое платье без бретелек. Найти что-нибудь на Аню оказалось слишком сложно. Из всего гардероба на неё налез бы только пеньюар.

Стук в дверь вынудил меня прерваться. В комнату заглянула Жанна. Вот уж кого не ожидала увидеть.

– Прости, совсем забыла... – она сунула мне в руки шоколадку, а вид у женщины был очень даже взволнованный, – с днём рождения!

– Он был неделю назад, но всё равно спасибо.

Сладкое перепадало мне слишком редко. Практически никогда. Но эту шоколадку себе я не оставлю, лучше отдам Ане. Ей она нужнее. Поможет успокоиться.

– Слушай, ты пойдёшь с новенькой? – Жанна побледнела ещё сильнее.

– Да, а что?

Я сравнивала кеды Ани с той батареей обуви, стоящей в шкафу. Мне удалось подобрать какие-то туфли, которые могли бы ей подойти. Не сомневаюсь, позже для Ани создадут целый гардероб, но сейчас придётся довольствоваться тем, что есть.

– Ты же не знаешь, кто приехал... Точно. Донасьен вернулся.

– Кто?

– Это его так Дами называет. Не знаю, почему. Вообще-то, его зовут Григорий Анатольевич. Но не в этом дело... Он ещё то чудовище. Не повезло вам, девчонки, – Жанна жадно шептала, то и дело поглядывая по сторонам. Если нас заметят, то быть беде. В нашу комнату никому нельзя заходить без разрешения Дамиена. – Обычно он берёт своих любимиц. Ещё даже не все концы отдали. Но Дами решил, что пора бы дать этому ублюдку свежей крови...

Женщина прислушалась к шуму в коридоре и, подмигнув мне, закрыла дверь. Я слышала, как её шаги удалялись от нас.

Аня всё так и стояла у ванны, сиротливо сжимая в руках мокрое полотенце. Раздражённо посмотрев на неё, схватила с кровати пеньюар и кинула его девушке.

– Надевай. И туфли. Помада на столе. Только быстрее,

долго они ждать не будут.

– А бельё?

– Забудь о нём. Тут такое не носят. Если только чисто ради красоты.

Я надевала туфли, когда заметила краем глаза, что Аня медленно одевается, с недоверием разглядывая кружевной пеньюар. После нашего небольшого разговора, она успокоилась. Это даже к лучшему. Все по-разному реагировали на... новую жизнь. Аня справлялась хорошо. Наверное, откат у неё будет потом. Когда поймёт, *что же* случилось на самом деле...

– Так сойдёт? – перепуганная и всё ещё розовощёкая после горячей ванны, Аня держала в руках босоножки. Тёмно-коричневая помада ей совершенно не шла.

Я сунула шоколадку под одеяло, чтобы её не заметили, и схватила Аню за руку. Тёплая. Я успела почти вовремя, так как Эдя открыл дверь резко и совершенно бесшумно. Его совсем не заботило то, чем мы тут могли заниматься.

Аня крепко держала меня за руку, когда мы шли по лестнице вниз. Нервно облизывала напомаженные губы и часто моргала. Не люблю ощущение туши на своих ресницах. Они от этого склеивались. Или это всё из-за того, что я не умею толком краситься?

Эдя привёл нас прямо к овальной гостиной. Там, как всегда, царил приятный полумрак. Белые декоративные панели привычно мерцали голубоватой подсветкой. На небольшом

диванчике, за низким квадратным столом сидели двое мужчин: Дамиан и незнакомец в очень дорогом костюме.

– А, вот и наши гости. Замечательные Лилит и Аннет...

Дамиан всегда коверкал имена и произносил их на свой, чудной манер.

– Улыбайся, – я прошептала это слово одними губами.

Улыбайся, Аня, улыбайся... Изво всех сил. Изображай счастье и веселье. Они любят жизнерадостных и бойких девочек. Не стой с кислой миной. Не робей. Пожалуйста, Аня, улыбайся!

Я крепче сжала её ладонь, та заметно повлажнела и стала прохладной.

И не вздумай плакать!

Мой косой взгляд и ободряющая улыбка мало помогли.

Гость неторопливо встал, расстегнув пиджак. Отодвинул квадратный стакан с коричневатой жидкостью и с улыбкой посмотрел на Дамиана.

– Эти девочки точно хороши? Или ты опять подсунешь мне какое-то второсортное дерьмо?

– Свежая кровь. Юные, бойкие, красивые...

Гость отмахнулся от Дамиана, так расторопно нахваливающего свой товар.

Аня цеплялась за меня так, будто от этого зависела её жизнь. Мне было очень страшно. Потому что в глаза этого мужчины я увидела многое. Такое ничем не скроешь. Пусть весь его холёный внешний вид говорил о достатке, о хоро-

шей жизни, но мерзкая ухмылка и влажный блеск глаз твердили об обратном. Я с ужасом чувствовала, как холодеет в животе, как пересыхает в горле и резко щиплет глаза от наворачивающихся слёз.

Мужчина плавной походкой подошёл к нам. Аня зажмурилась и сжалась, пытаясь уйти от приближающегося кошмара.

– Милая... – его пальцы вцепились в волосы Ани, заставив ту всхлипнуть и сдержанно застонать.

Я посмотрела на Дамиана, который с некоторым недовольством смотрел на всё происходящее. Он явно был не в восторге от этого клиента. Тогда почему впустил? Почему согласился?

Гость в буквальном смысле начал принюхиваться к Ане. Скопив глаза, я наблюдала за ним.

Мужчина был выше меня всего на голову. Коротко стриженный, с аккуратной бородкой, в которой едва проблёскивала седина. Ярко-серые глаза казались неживыми. Узкие губы скривились в неприятной ухмылке.

Колкий взгляд зверя буквально прожигал насквозь.

Аня отпустила мою руку и вцепилась в руку мужчины, так крепко держащей её за волосы. Постанывая, она иногда переходила на скулёж, чем выводила Дамиана из себя. Гость же, напротив, очень внимательно всматривался в её искажённое болью лицо и искал там что-то, неведомое мне.

– Она мне нравится...

От этих слов я похолодела. Если Аня попадёт сейчас к нему в руки, то она больше не вернётся. Он убьёт её, сломает, и она не выживет. Вот почему Дамиан недоволен... Только получил товар и тут же потеряет его.

– Может, возьмёте меня? – я уверенно дотронулась до руки мужчины, обращая его внимание на себя. – Как я вам?

Злобный взгляд пронял до дрожи, но я лишь улыбнулась, скрывая свой страх.

Гость отпустил Аню, и та со всхлипом осела на пол. Я облегчённо выдохнула. Ну что же, надеюсь, я понравлюсь ему больше.

– Дерзкая? – холодные мужские пальцы впились в мою шею сзади, притягивая меня к обладателю самого мерзкого взгляда. Выражение моего лица ему явно понравилось. Потому что блеск в его глазах стал ещё ярче и сильнее. – Сама хочешь?

Я слабо кивнула, совершенно не зная, на что соглашаюсь.

– Я беру эту.

Дамиан облегчённо выдохнул и только лишь всплеснул руками.

– Силь ву пле!

Мужчина крепче стиснул свои пальцы, потянув мои волосы назад. Сжав зубы, я покорно шла за ним.

Аня в ужасе смотрела на меня, а я лишь натыкалась взглядом на злобного деспота. Это уже всё вошло в привычку.

Мне не привыкать...

Глава шестая

2008

...Боль... Огненный сгусток, зародившийся где-то внутри. Именно он заставлял так быстро биться сердце, он разгонял кровь, превращая её в обжигающий жидкий металл. И тело, ставшее таким податливым, таким мягким и доступным, вдруг начало чувствовать всё так остро и резко, что казалось, словно с новым витком боли сильнее обнажаются нервы, доводя ощущение от каждого последующего удара до предела.

Горло саднило от крика, пусть уже и беззвучного. Бессмысленно просить пощады. Для него это самая желанная музыка. Мой крик. Звериный, пронзительный, в котором смешалось всё: ненависть, отчаяние, жалость и безграничное страдание.

Метание между желанием прекратить и желанием получить больше, окончательно сломаться, не давало забыться. Оно жгло моё сознание, заставляя страдать ещё сильнее.

И когда треск жёсткой, искусно выделанной кожи, пропитанной кровью и потом, причудливо смешивался с хрустом моего тела, в голове становилось совсем пусто. Иногда мне казалось, что с каждым ударом я лишаяюсь частички себя.

Он ведь знал, что делает. Добился определённого успеха, мастерства в этом нелёгком деле. О... Мне было с чем срав-

НИТЬ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.